

А Л Л А К Р А С К О

ФОНТАННЫЙ
ДОМ
его сиятельства
ГРАФА ШЕРЕТЕВА

ЖИЗНЬ И БЫТ
ОБИТАТЕЛЕЙ
И СЛУЖИТЕЛЕЙ

1712 — 1917

НЕИЗВЕСТНЫЙ МИР ДВОРЦОВОЙ УСАДЬБЫ
ЛИЦА И СУДЬБЫ. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Всё о Санкт-Петербурге

Алла Краско

**Фонтанный дом его сиятельства
графа Шереметева. Жизнь и
быт обитателей и служителей**

«Центрполиграф»

2019

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Краско А. В.

Фонтанный дом его сиятельства графа Шереметева. Жизнь и быт обитателей и служителей / А. В. Краско — «Центрполиграф», 2019 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08283-1

Новая книга историка Аллы Краско охватывает период, когда усадьба на Фонтанке находилась в собственности графов Шереметевых, представителей одного из самых древних русских родов. Изложение идет от владельца к владельцу, но героями книги являются не хозяева, а их служащие, которые обеспечивали жизнь легендарного Шереметевского дворца. За два века там обреталось немало вольнослужащих: архитекторы, доктора, церковнослужители, музыканты... Среди них много известных имен: профессор А.П. Куницын, сенатор И.Ф. Апрелев, князь Ф.М. Касаткин-Ростовский, архитектор Кваренги... Среди крепостных в Фонтанном доме служили целые династии управителей, конторских служащих, личных слуг... Архивные документы хранят память о многих служителях «дома его сиятельства графа Шереметева». Задачей книги было внимательно посмотреть на людей из этого мира. Среда крепостных рождала большие таланты, лидеров и аутсайдеров, добрых и злых, приспособленцев и изгоев. Их судьбы полны событий и интересны не менее, чем у именитых современников. Два века жизни усадьбы при графах Шереметевых ушли в далекое прошлое, но сохранилось множество архивных документов. В течение почти сорока лет автор собирала уникальные исторические материалы. В книге нет ни одного придуманного сюжета, ее основа – многие тысячи документов шереметевских архивов, и абсолютное большинство фактов сегодня публикуется впервые. Издание адресовано краоведам, историкам и всем, кого интересует прошлое Северной столицы.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08283-1

© Краско А. В., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

О чем эта книга: предисловие автора	7
Фонтанный дом при первых владельцах: фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев и его вдова графиня Анна Петровна	16
Второй владелец Фонтанного дома граф Петр Борисович Шереметев и его служители	20
Счастливые годы Фонтанного дома	24
Переезд графа Петра Борисовича в Москву	28
Система управления имениями в XVIII в	30
Домовая канцелярия	32
Василий Замятин и его семья	34
Семья служителей Чубаровых	35
Александровы	36
Аргуновы и другие крепостные художники графов Шереметевых	40
Черкасовы	46
Бизяевы	49
Смерть «Креза старшего»	51
Третий владелец Фонтанного дома граф Николай Петрович Шереметев	53
Малиновские и граф Н.П. Шереметев	56
«Театральные люди»	58
Василий Вороблевский	58
Степан Дегтярев	61
Иван Батов	63
Крепостные артисты	67
Возвращение графа Николая Петровича в Петербург	73
Жизнь в Фонтанном доме (1796–1809 гг.)	76
Ближний круг	76
Прасковья Ковалева и ее окружение	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алла Краско
Фонтанный дом его сиятельства
графа Шереметева. Жизнь и
быт обитателей и служителей

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Краско А.В., 2019

© «Центрполиграф», 2019

О чем эта книга: предисловие автора

Адрес Фонтанного дома графов Шереметевых – Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 34. Название «Фонтанный дом» возникло в середине XVIII в., так назвал свою усадьбу сам владелец, имея в виду ее местоположение. Сейчас чаще говорят – Шереметевский дворец, это одна из самых известных и привлекательных исторических достопримечательностей Санкт-Петербурга, памятник архитектуры XVIII в.

Фонтанный дом – почти ровесник Санкт-Петербурга. Если город основан в 1703 г., то датой рождения усадьбы надо считать 1712-й, когда новый город на берегах Невы стал фактически столицей Российского государства. По воле Петра I все его сподвижники, начиная с генерал-губернатора А.Д. Меншикова, должны были в короткий срок выстроить здесь свои загородные дома. Фонтанка считалась тогда границей Петербурга, а город – это Петропавловская крепость, Адмиралтейская верфь на левом берегу Невы, Петербургская сторона и Васильевский остров. Среди тех, кто получил в Городовой канцелярии «данную» на владение участком по берегу реки Безымянный Ерик (позже получившей название Фонтанки), был и фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, победитель шведов под Полтавой в 1709 г., а в следующем, 1710 г., отвоевавший у шведов Ригу.

Усадьба на набережной Фонтанки принадлежала потомкам фельдмаршала на протяжении двух веков. Летом 1918 г. ее национализировали, здесь работали различные учреждения, в том числе Дом занимательной науки, Арктический институт, театр и некоторые другие. Сейчас на территории усадьбы много хозяев. Здесь находятся два музея и театр. В главном усадебном доме, сохраняющем историческое название Шереметевский дворец, работает Музей музыки, филиал Государственного музея театрального и музыкального искусства.

В южном флигеле усадебного дома в 1989 г. открылся музей Анны Ахматовой. В помещении бывшего манежа, переделанного в театральный зал еще при Шереметевых, дает свои спектакли Театр на Литейном. В Фонтанном флигеле работает Дворец учащейся молодежи. Большинство бывших хозяйственных построек превращены в жилые квартиры.

Но Фонтанный дом – это не только дворец, но целый мир, который напоминает дворянскую усадьбу, многие тысячи которых создавались в провинции и реже – в столицах, а до нашего времени дошли буквально единицы. Усадьба графов Шереметевых простирается от набережной реки Фонтанки до Литейного проспекта. Главный усадебный дом – старинное двухэтажное сооружение с мезонином и с чугунным балконом на фасаде. От проезжей части набережной Фонтанки он отгорожен одной из самых красивых решеток Петербурга. За оградой расположены парадный двор и служебные флигели, за домом – сад.

Этой усадьбе посвящено множество публикаций, в том числе книга автора этих строк¹. В ней, как и в большинстве других, главное внимание уделено истории Фонтанного дома как дворцово-паркового ансамбля и личностям владельцев усадьбы. В книге, которую вы держите в руках, предпринята попытка рассказать о тех людях, которые на протяжении двух веков – с начала XVIII по начало XX столетия – обеспечивали жизнь графской усадьбы. Тысячи нитей связывали владельцев с окружающими их людьми: дворовыми служителями времен крепостного права, вольнонаемными служащими в последующий период, с жильцами и учреждениями, арендовавшими при графах Шереметевых помещения на территории усадьбы. Не всегда их разделяли непреодолимые препятствия, хотя принадлежали они к разным социальным слоям.

¹ Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. СПб., 2009.

Вид Главного дома усадьбы со стороны сада. Современное фото

В советской историографии выводы исследователей однозначны: крепостные, особенно дворовые люди, – это угнетаемая, бесправная масса. Применительно к Шереметевым взгляд исследователей этой проблемы характеризуется, например, широко известной работой К.Н. Щепетова «Крепостное право в вотчинах Шереметевых»². В ней приведен богатый фактический материал об экономическом положении помещичьих (крепостных) крестьян в разных имениях. Но оно в меньшей степени охватывает жизнь и быт дворовых главной петербургской усадьбы графов Шереметевых. Московская исследовательница Н.А. Елизарова опубликовала замечательную работу «Театры Шереметевых», в которой собран богатейший материал об этом уникальном историческом и культурном феномене русского XVIII в. Хотя в Фонтанном доме не было театрального зала, но здесь жили некоторые члены бывшей крепостной труппы, в том числе Прасковья Жемчугова, ставшая графиней Шереметевой.

² Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. 1708–1885. М., 1947.

Вид Главного дома усадьбы со стороны сада

Некоторый материал о жизни крепостных можно найти в книге А.Г. Яцевича «Крепостной Петербург пушкинского времени»³, опубликованной в столетнюю годовщину гибели поэта. Книга посвящена быту крепостных служителей конца XVIII – первой трети XIX в., обеспечивавших жизнь столичных аристократических семейств. Андрей Григорьевич Яцевич (1887–1942, умер в блокадном Ленинграде) – искусствовед, пушкинист, член краеведческого общества «Старый Петербург» (затем – «Старый Петербург – Новый Ленинград»), много сделавший для спасения русской культуры дореволюционного времени. Книга Яцевича также основана на архивных и мемуарных источниках, но она, в силу идеологических установок того времени, выдержана в разоблачительном ключе, что вполне понятно: «Стоящее у власти дворянство поддерживало крепостной строй, всецело отвечавший его интересам...» Автор цитирует Карамзина: «Сколько людей погибло... Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах...», откуда и пошло расхожее рассуждение о новой столице России, стоящей на костях крепостных.

В 1830-х гг. население столицы насчитывало около 450 тысяч населения, из них – около 200 тысяч крестьян, большую половину которых составляли крестьяне помещичьи, в основном дворовые люди. У Яцевича есть пассаж о «подобострастной дворне», он приводит, например, отрывок из письма поэта Веневитинова о том, как его встречали дворовые люди по приезде в деревню: «Если радость написана на их лицах, то не думаю, что она жила в их сердцах...» Именно эта книга стала источником обвинения Шереметевых в нежелании отпускать своих крепостных на волю даже за выкуп, объясняя это тем, что они кичились своими рабами, особенно успешными в какой-либо деятельности, что составляло часть особого семейного кодекса. Как правило, Яцевич опирался в своих выводах на свидетельства неких иностранцев.

³ Яцевич А.Г. Крепостной Петербург Пушкинского времени. Л., 1937.

Прочтя главу из его книги о дворовых людях, понимаешь, откуда берутся и множатся небывалые о некоем «графе Шереметева», который совершает абсолютно невозможные в действительности поступки по отношению к своим служителям.

При этом А.Г. Яцевич справедливо отмечает, что между бариним и его крепостными служителями нередко устанавливались патриархальные отношения, говорит о некоем «счастлимом меньшинстве» из верхушки крепостных, особо приближенных к барину, которому служат. Автор книги рассказывает о том, как устроена жизнь барских усадеб, о главных, «значительных», лицах в крепостной дворне.

В 1930-х гг. историк архитектуры С.В. Безсонов занимался исследованием вклада крепостных архитекторов в историю зодчества начиная с периода Средневековья. Он опубликовал результаты своих разысканий, которые и до наших дней не потеряли своей информационной ценности⁴. В его книге можно найти краткие сведения о двух десятках крепостных зодчих Шереметевых, строивших в Кускове, в Фонтанном доме в Петербурге, в Останкине, в Москве.

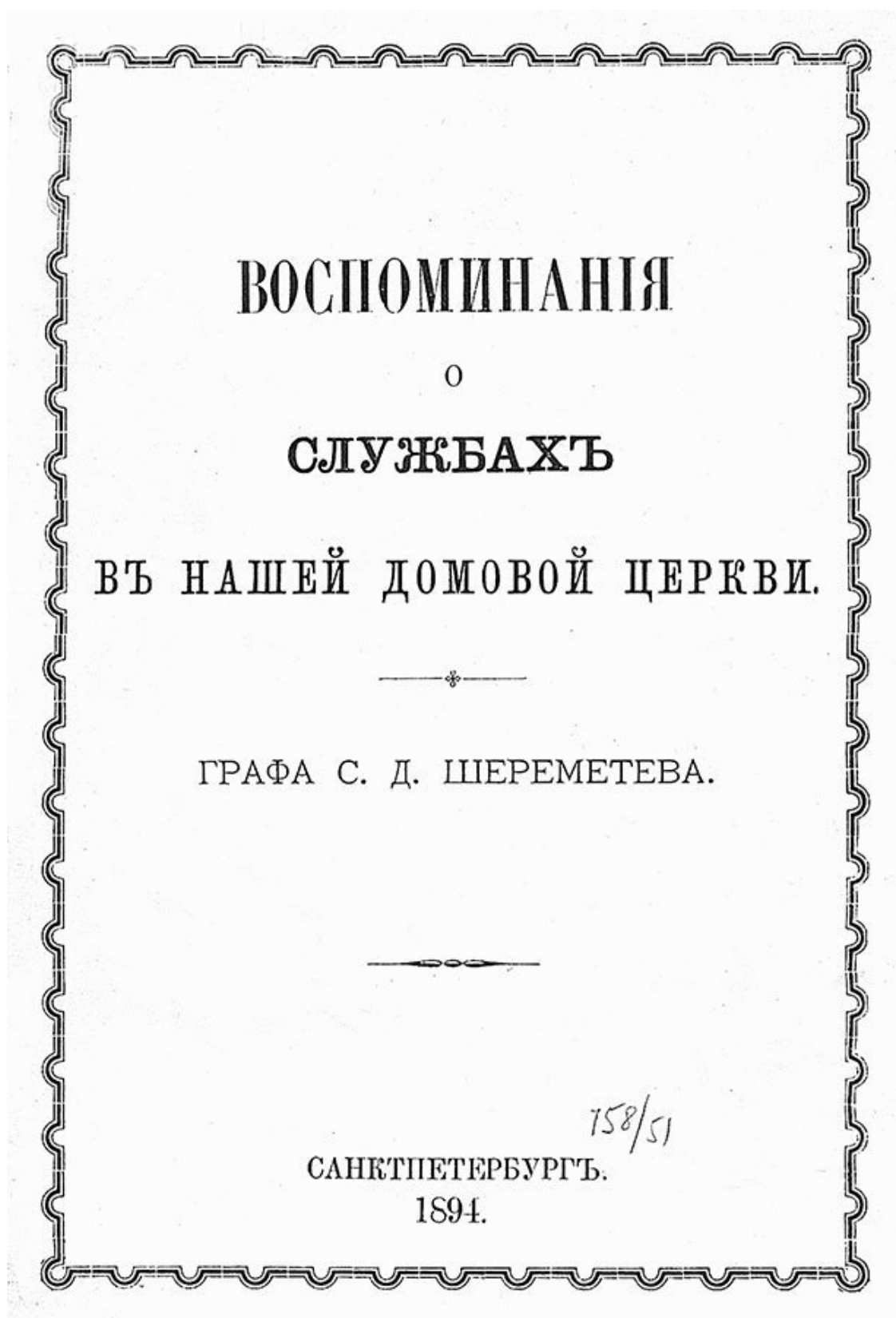
Названные книги типичны для своего времени. В последние десятилетия историками, генеалогами, искусствоведами, музейщиками много сделано для того, чтобы картина жизни людей эпохи крепостного права предстала не столь примитивной. Появились работы о замечательных людях или даже династиях, живших и творивших в эпоху крепостного права. Библиография их очень значительна. Исследования феномена дворца-театра Останкина продолжили Л.А. Лепская и другие сотрудники Останкинского дворца-музея, который удалось спасти, открыв там в конце 1930-х гг. Музей творчества крепостных. Внесли свою лепту в изучение жизни и быта служителей Фонтанного дома сотрудники филиала Государственного музея театрального и музыкального искусства «Шереметевский дворец-музей музыки». Историк О.А. Ходякова защитила в 1995 г. кандидатскую диссертацию о материалах родового архива графов Шереметевых как ценном источнике по истории и культурной жизни России первой половины XIX в. Музыковед О.А. Великанова пишет о заслугах Шереметевых и их служащих перед русской музыкальной культурой. Большой знаток старинных музыкальных инструментов В.В. Кошелев собирает и публикует сведения о шереметевских крепостных мастерах, создававших музыкальные инструменты. Найденные материалы используются для подготовки музейных выставок, на которых перед посетителями предстают не только владельцы Фонтанного дома, но и их служители.

Два века жизни усадьбы при графах Шереметевых ушли в далекое прошлое, но сохранилось множество архивных документов, прежде всего родового архива Шереметевых с десятками тысяч единиц хранения. В их числе, например, списки служителей 1768, 1774, 1802, 1870-х, 1914 гг., ревизские сказки, переписка владельцев со служащими, инструкции и многие другие материалы. Последний предреволюционный владелец усадьбы граф Сергей Дмитриевич Шереметев, хранитель «семейной старины», опубликовал сотни документов из родового архива сначала в журнале «Русский архив», затем несколькими сборниками под названием «Отголоски XVIII века» и «Столетние отголоски», а также серию замечательных мемуаров, в том числе книги «Домашняя старина» и «Воспоминания о службах в нашей домово́й церкви». В них он упоминает десятки семей или отдельных людей, тесно связанных с Фонтанным домом – учителей, врачей, архитекторов, управителей, разных других служителей, которых он помнил и знал лично или о ком слышал из рассказов отца или Татьяны Васильевны Шлыковой.

Но за два века жизни барской усадьбы таких людей там обитало значительно больше. К сожалению, мы знаем о них до обидного мало. Их имена упоминаются в хозяйственных документах родового архива или на страницах метрических книг и исповедных ведомостей церкви Симеона и Анны на Моховой улице, в приходе которой находился Фонтанный дом. Но как они выглядели, о чем думали, как относились к трудностям жизни, кого выбирали в

⁴ Безсонов С.В. Крепостные архитекторы. Словарь крепостных архитекторов. М., 1938.

жены или мужа, как воспитывали детей – это и хотелось узнать, погрузившись в те источники информации, которые есть в нашем распоряжении.

Обложка книги «Воспоминания о службах в нашей домовой церкви графа С.Д. Шереметева»

СТОЛѢТНІЕ ОТГОЛОСКИ.

1801 ГОДЪ.

„Въ ономъ же году марта 12 дня случилась кончина Императора Павла Перваго. Сей монархъ, при восшествіи своемъ на престолъ, на мнѣ первомъ показалъ знаки своего благоволенія, которые нося всегда съ признательностью къ онымъ, за нѣсколько часовъ до кончины его съ нимъ ужиналъ и не воображалъ, что черезъ три часа пораженъ буду печальнѣйшею вѣстью о внезапной кончинѣ сего благотворителя моего и моей супруги“.

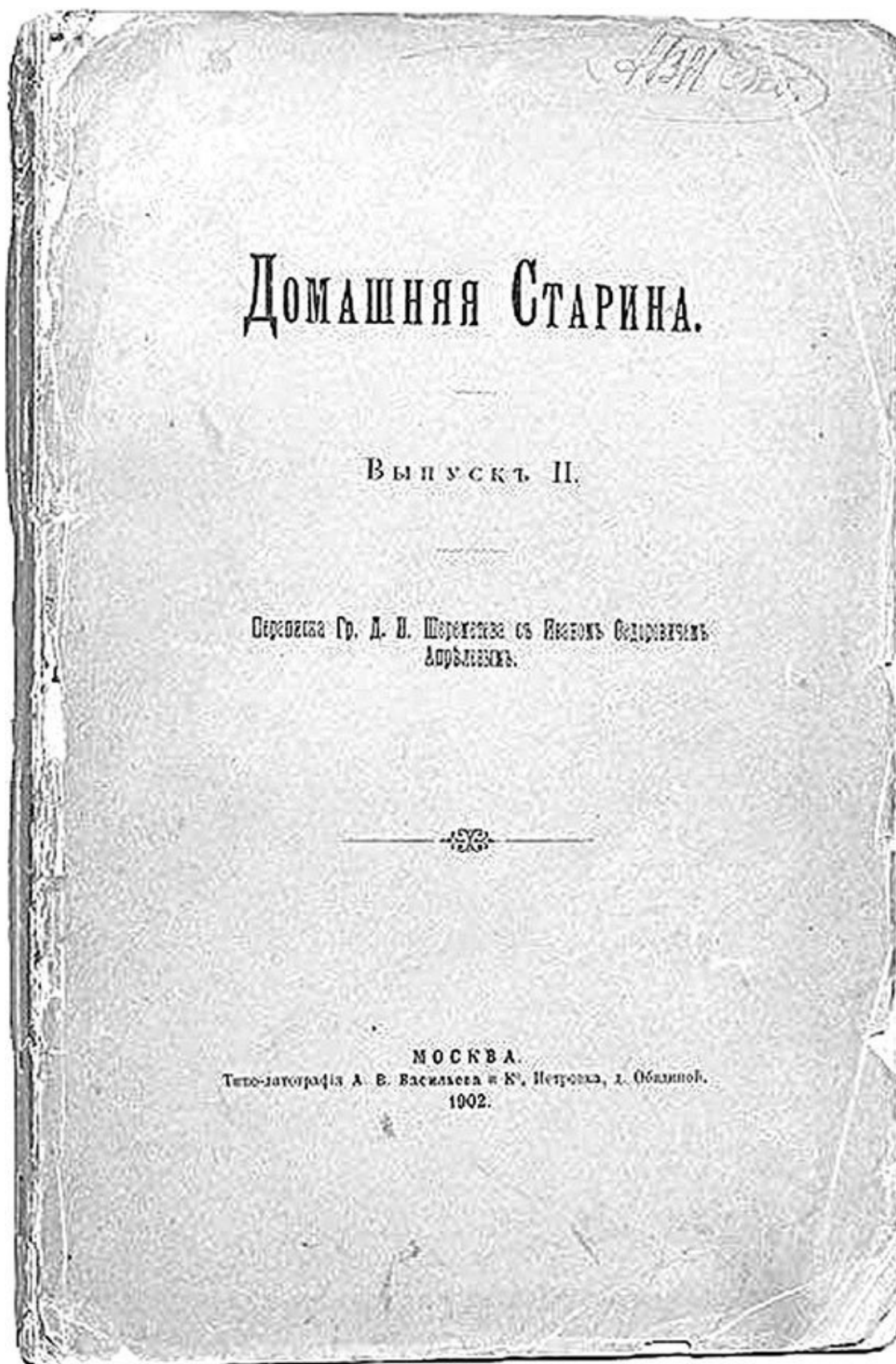
Гр. Н. Ш.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидиной.
1901.

Обложка книги «Столетние отголоски»

Обложка книги «Домашняя старина»

Ленинградский Центральный Дом Работников Просвещения.

З. А. ЭДЕЛЬШТЕЙН.

ПОМЕЩИК И ЕГО КРЕПОСТНЫЕ

**(Экскурсия в бывш. особняк Шереметевых
Фонтанка, д. № 34).**

**ЛЕНИНГРАД
1926 г.**

Обложка книги «Помещик и его крепостные»

Стиль жизни Фонтанного дома – как его хозяев, так и служителей – в первую очередь определялся личностью конкретного владельца, его общественным положением, размером состояния, воспитанием, а также потребностями членов его семьи, их пристрастиями и, наконец, модой своего времени. И, конечно, самим историческим моментом.

Шереметевы со времен Средневековья и до 1917 г. принадлежали к элите Российского государства как по знатности, богатству, родственным связям, так и по служебному положению и заслугам перед Отечеством. Большинство служащих в их имениях до 1861 г., в первую очередь в петербургской усадьбе, – это по преимуществу крепостные. Дворовые люди графов Шереметевых – это целые кланы, несколько поколений одной семьи. В этом смысле шереметевские дворовые ничем не отличались от тех, кто из поколения в поколение служил при Дворе русских Императоров, о чем пишет, например, генерал-лейтенант А.А. Мосолов, почти два десятка лет служивший начальником Канцелярии Министерства Императорского Двора⁵.

Фонтанный дом до 1861 г. и после отмены крепостного права – это разные стили жизни и разные взаимоотношения между владельцами усадьбы и их служащими.

Для XVIII в. в отношениях между хозяевами и их служащими действительно характерна патриархальность, велика роль традиций. После отмены крепостного права в Фонтанном доме служили «по вольному найму». Среди них были и те, кто служил при крепостном праве, или их потомки. Но были люди и другого социального статуса, не связанные прежде с Фонтанным домом, – от потомственных дворян, даже титулованных, в должности главноуправляющих до крестьян разных губерний или мещан, служивших на разных должностях. Началось «размывание» прежнего стиля отношений между хозяевами и их служащими. Происходило расслоение внутри самого сообщества служителей по их имущественному положению и, как следствие, трансформация социального статуса и их самих, и их детей и внуков. Получив свободу, они поступали в учебные заведения, становились чиновниками, врачами, юристами, переходили в другие сословия, некоторые получали права потомственных дворян. Заглядывая в прошлое, мы видим там много поучительного и неожиданного, что часто ломает принятые стереотипы.

В этой книге предпринята попытка проследить, как в течение двух веков менялась жизнь обитателей Фонтанного дома. Рассказ построен в хронологической последовательности, от владельца к владельцу усадьбы. Большая часть книги касается времени существования крепостного права (с 1712 по 1861 г.). Многие имена и события, описанные в книге, будут представлены читателю впервые.

⁵ Мосолов А.А. При Дворе последнего Императора. М., 1992. С. 217–218.

Фонтанный дом при первых владельцах: фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев и его вдова графиня Анна Петровна

Первый владелец участка фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев (1653–1719) получил «данную» на освоение участка земли, но по занятости на театре военных действий не мог лично заниматься обустройством усадьбы. Он пробыл в Петербурге весной 1712 г. сравнительно недолго. Однако, правда, успел за это время жениться на молодой вдове Анне Петровне Нарышкиной (1677–1728), бывшей первым браком за Львом Кирилловичем Нарышкиным, дядей Петра I. После смерти первого мужа сам царь сосватал молодую вдову престарелому фельдмаршалу Шереметеву. Вскоре Борис Петрович должен был отправиться на театр военных действий, в Померанию, – Северная война продолжалась. Молодая супруга поехала вместе с ним. На протяжении семи лет их жизни Анна Петровна родила мужу пятерых детей: Петра (родился в 1713), Наталью (1714), Сергея (1715), Веру (1716) и Екатерину (1717). Последний год своей жизни фельдмаршал провел в Москве, упросив Петра I отпустить его на покой «по старости и за ранами». Он скончался в 1719 г. По желанию царя как душеприказчика умершего фельдмаршала, тело графа Б.П. Шереметева предали земле в Петербурге, в Александро-Невском монастыре.

Графиня Анна Петровна Шереметева, овдовев вторично, жила в основном в московском доме или в подмосковных усадьбах, иногда бывала и в Петербурге. По свойству с Петром I она и ее дети от обоих браков были приняты при Дворе. Графиня Анна Петровна «фельдмаршала», как ее называли современники, в 1720-х гг. прилагала некоторые усилия по застройке участка на Фонтанке, на Московской стороне, как именовалась эта часть Петербурга в то время. Здесь находился некий дом, при котором жили крепостные служители. Из сохранившихся документов о застройке участка явствует, что их строили «по чертежу каменное и деревянное строение и для выезду к церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Моховую улицу... сделаны были ворота...». Есть упоминание о неких постройках в документе 1727 г. При археологических исследованиях, проводившихся уже в наше время в процессе реставрационных работ, обнаружили фрагменты старых построек⁶. Но никаких капитальных строений, скорее всего, не было. Отчасти это объясняется тем, что после смерти Петра I и Екатерины I столица вновь переместилась в Москву и возвращена в Петербург лишь в 1732 г., при императрице Анне Иоанновне.

⁶ Матвеев Б.М. Фонтанный дом. История строительства и перестроек (1712–1990) // Усадьба графов Шереметевых Фонтанный дом. СПб., 2012. С. 9–89.

Б.П. Шереметев

В документах, хранящихся в архиве, сохранились распоряжения графини Анны Петровны, отданные служителям, в том числе петербургскому управителю. Первым управителем Фонтанного дома служил некий Иоганн-Карлус Бем. В документах шереметевского архива его

имя чаще всего писалось на русский манер – Иван Петров Бем или Иван Бемов, он значится либо управителем дома графа Шереметева, либо дворецким вплоть до середины XVIII в. Происхождение этого человека, одного из первых в череде сотен и сотен служителей, точно неизвестно. Можно предположить, что его взяли в Петербург из Пебалгской мызы в Лифляндии, ее пожаловали фельдмаршалу Б.П. Шереметеву после завоевания в 1710 г. русскими войсками под его предводительством Риги. Пебалгская мыза находилась неподалеку от города Вендена (ныне – город Цесис в Латвии). Характерно, что связи между петербургскими служителями дома графов Шереметевых и служителями Пебалгской вотчины и с обывателями соседних городов Лифляндии в дальнейшем прослеживаются неоднократно.

Еще с середины XVII в. повелось так, что один раз в год православные люди должны были прийти к исповеди и причастию в свой приходский храм. Их имена записывали в особый документ (исповедную ведомость) с указанием социального положения и возраста. Ныне эти документы хранятся в государственных архивах. Двор графа Шереметева, как его называли, относился к приходу церкви Симеона и Анны на Моховой улице. Будучи православным, Иван Бем исповедовался и причащался Св. Таин в этой церкви. Исповедные ведомости этого храма находятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). В ведомости 1750 г. записано, что ему 67 лет, – стало быть, он родился около 1687 г. Вместе с ним к исповеди приходили его жена, Елена Максимова, 39 лет, дочь Екатерина Иванова, 14 лет, и сын Александр Иванов, 12 лет. Если наша догадка о происхождении Ивана Бема из Прибалтики верна, то он не был крепостным (как помещичьи крестьяне Центральной России), поскольку положение крестьян в прибалтийских губерниях регулировалось особым законодательством. Забегая вперед, скажем, что и при сыне фельдмаршала, и при его внуке в Фонтанном доме служили другие люди с этой же фамилией. Так, в 1774 г. в тульской вотчине графов Шереметевых служил конюшим некий Дмитрий Бемов. Но пока не удалось установить, кем именно они приходились Ивану Петровичу Бему – однофамильцами или родственниками. Это характерная черта того времени – служили кланами, в нескольких поколениях. Об этом речь пойдет ниже.

Графиня А.П. Шереметева

Графиня Анна Петровна Шереметева уделяла основное внимание подмосковным вотчинам. Ей приходилось также тратить много сил на отстаивание своих интересов при юридическом закреплении за нею пожалованных фельдмаршалу владений.

После ее смерти основные родовые владения перешли в собственность ее сына, графа Петра Борисовича Шереметева. Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев имел детей и от первого брака с рано умершей Евдокией Алексеевной, урожденной Чириковой. Старший его сын, граф Михаил Борисович, к тому времени уже скончался, дочери были наделены приданым при выходе в замужество. В то время действовал введенный в практику Петром I закон о единонаследии, по которому владелец передавал свое имение одному наследнику по своему выбору, возлагая на него обязанность позаботиться и о других членах семьи. Естественным образом наследство получил старший сын фельдмаршала от второго брака.

Второй владелец Фонтанного дома граф Петр Борисович Шереметев и его служители

Граф Петр Борисович Шереметев (1713–1788) прожил длинную жизнь, частью в Москве, частью в Петербурге. Он достиг высокого положения в обществе: получил генеральский чин (хотя в военных кампаниях и не участвовал), придворное звание обер-камергера Двора, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного; Екатерина II назначила его сенатором.

Граф П.Б. Шереметев считался одним из богатейших людей России. Усадьба на Фонтанке изначально не была самой старой или самой значимой из его имений. Однако его видное положение в обществе и женитьба в 1743 г. на княжне Варваре Алексеевне Черкасской стали причиной того, что он превратил Фонтанный дом в свою главную столичную резиденцию.

На годы царствования императрицы Елизаветы Петровны пришелся первый юбилей Петербурга – его 50-летие. К середине XVIII столетия новая столица уже приобрела достойный облик: перестраивались старые и возводились новые императорские резиденции, роскошные усадьбы создавали и первые вельможи государства. На берегах Фонтанки возникли Летний дворец самой Елизаветы Петровны (на его месте позже будет построен Михайловский замок), Аничкова усадьба графа Разумовского, усадьбы графа М.И. Воронцова, графа Г.И. Чернышева, князя Б.Г. Юсупова. Свое место в этом дворцово-парковом ожерелье заняла усадьба графа Петра Борисовича Шереметева. Именно хозяин и дал то название усадьбе, которое сохраняется и поныне – Фонтанный дом, по месту ее расположения. В повелениях служителям он нередко писал: «В Фонтанном моем доме...»

Граф П.Б. Шереметев

Постройкой главного усадебного дома занимались преимущественно крепостные люди графа Петра Борисовича. Основная ответственность за ход работ была возложена на Федора Аргунова, одного из членов замечательной династии крепостных архитекторов и художников⁷. «Смотрение» над строительством осуществлял архитектор Савва Иванович Чевакинский⁸, но являлся ли он автором проекта – неизвестно.

⁷ Лансере Н.Е. Фонтанный дом (Постройка и переделки) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Т. 1. Л., 1928. С. 61–80. (Далее – Записки ИБО).

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088 (Шереметевы). Оп. 12. Д. 59. Справка о подарках, полученных архитектором С.И. Чевакинским за смотрение Фонтанного дома... 1746–1751 гг.

Датой окончания основных строительных и отделочных работ можно считать осень 1750 г., когда освятили домовую церковь во имя Святой великомученицы Варвары. Она располагалась в северном крыле дома (в стороне Невского проспекта) и пользовалась особым вниманием всех последующих владельцев Фонтанного дома. Священник, дьякон и псаломщик домово́й церкви назначались духовными властями, но, естественно, с согласия хозяина, который брал на себя определенные финансовые обязательства относительно обеспечения своей церкви и ее служителей. При крещении детей священнослужителей восприемниками (крестными родителями становились или графы Шереметевы, или по крайней мере управители, что подчеркивало особое отношение к служителям своей церкви. Первым или одним из первых священников был о. Алексей Семенов, в метрической книге приходской церкви 1758 г. есть запись о его смерти в возрасте 35 лет⁹. Служба в православном храме ведется в сопровождении певчих. Первоначально их было не так много, преимущественно это крепостные люди Шереметевых из их вотчин в Белгородской округе. В 1753 г. упоминается, например, певчий-бас Григорий Мамонтов, исполнявший обязанности регента. Умер Мамонтов в 1795 г., прослужив у Шереметевых около полувека. В 1759 г. из Борисовки в Москву прислан бас «Григорий Федоров сын Янпольский двадцати лет»¹⁰.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 111. Д. 44. Л. 413. Метрическая книга (далее – М. к.).

¹⁰ РГИА Ф. 1088. Оп. 6. Д. 983.

Графиня В.А. Шереметева

Графская семья разрасталась: у супругов один за другим рождались дети: Анна (1744–1768), Борис (1745–1758), Алексей (1746–1748), Мария (1747–1748), Николай (1751–1809), Варвара (1759–1824). Трое из них скончались либо в младенчестве, либо в отрочестве. Дети получили, как тогда было принято, домашнее воспитание. В документах шереметевского родового архива сохранилась недатированная записка графа Петра Борисовича служителю Чубарову об обучении детей Анны, Николая и Варвары музыке и пению.

Счастливые годы Фонтанного дома

Дом был, что называется, полная чаша. Служба графа П.Б. Шереметева при Дворе предполагала своего рода обязанность иметь «открытый дом», поэтому в 1750–1760-е гг. Фонтанный дом считался одним из великосветских центров Петербурга. На праздничных обедах, маскарадах и домашних спектаклях здесь бывали члены Императорской фамилии, придворные, члены аристократических семейств, входившие в круг общения семьи Шереметевых.

В зимний сезон 1765 г., когда старшая дочь была уже «на выданье», отец неоднократно устраивал «на нарочито сделанном театре» спектакли, где игрались переведенные с французского языка пьесы, причем роли исполняли актеры-любители – графы Шереметевы, Строгановы, Чернышевы, князья Хованские и Белосельские-Белозерские. После спектаклей обычно устраивались ужины на 100–120 персон. Один из спектаклей посетила Екатерина II. В «Записках» Порошина, воспитателя великого князя Павла Петровича, читаем запись от 1 февраля 1765 г.: «...у графа Петра Борисовича Шереметева была сего дня ввечеру представлена в доме комедия, на которой Его Высочество по оной причине (болезни. – А. К.) быть не изволил. Ея Величество изволила тут присутствовать...»¹¹ Об этом спектакле сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости». В феврале следующего, 1766 г., та же газета рассказала о спектакле у графа Шереметева, в котором участвовал наследник престола.

В архиве сохранился интересный документ – «Ведомость о расходах по устройству маскарадов 26 и 28 февраля 1755 года»¹². Вина подали на сумму 528 руб.: мускатель красное и белое, бургонское, мадера, портвейн, рейнвейн, шампанское белое и красное, отдельно французские вина. Все виноградные вина стоили 1330 руб. На столовые припасы: фрукты, конфеты и сыры – истрчено 809 руб. В Гостином дворе бралась напрокат фарфоровая посуда, уплачено 105 руб., на 34 руб. посуды разбито. Деньги были потрачены и на платье «людям», которым шились парадные ливреи. Платили также «солдатам, что были на карауле».

Обслуживало хозяев и их гостей множество людей – среди них и вольнонаемные, служившие по контракту. Из документов начала 1770-х гг. известны некоторые имена: садовник немец Крестьян (Христиан) Элерс, при котором состояли три садовых ученика из крепостных. Трудно сказать, имел ли он отношение к семье известных петербургских садовников Эйлерсов, которые в более поздние времена украшали самые знаменитые общественные и частные парки. Добавим, что близкая по написанию фамилия фигурирует в связи с Фонтанным домом в 1778 г.: управитель графа П.Б. Шереметева Петр Александров записан воспитанником при крещении в приходской Симеоновской церкви новорожденного младенца Михаила, сына «придворного золотошвейного мастера Семена Юрьева Элера»¹³, и вряд ли это случайность.

Был у графа Петра Борисовича лекарь Иван Вейбрехт «для пользования служителей и дворовых людей»: возможно, этот тот Иоганн Вейбрехт, который служил при Дворе Анны Иоанновны. Среди вольнонаемных значился «Канцелярии от строений печной мастер» Иван Вальбрехт, егерь Франсуа¹⁴. Заметим, что их фамилии в сохранившихся документах домового архива читаются нечетко, но понятно, что это иностранцы, подвизавшиеся в России.

Но большинство служителей – это крепостные дворовые люди. В собственности графов Шереметевых находились больше ста тысяч крепостных людей мужского пола (ревизских душ). Абсолютное большинство крестьян жило в многочисленных имениях, которые по старой

¹¹ Записки Порошина. СПб., 1882. С. 252–253.

¹² РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1405.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 84. Л. 454. М. к.

¹⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512. Списки служителей при Санкт-Петербургских домах и мызах... 1774 г.

традиции именовались вотчинами. Крестьяне работали на помещика либо в форме барщины, либо уплачивали оброк, зарабатывая деньги «отхожим промыслом» с разрешения барина («по паспортам»). Сравнительно небольшая часть крепостных переводилась («версталась») в дворовые, которые обслуживали непосредственно владельцев. Дворовые служители находились в полном подчинении хозяев, но вместе с тем на их обеспечении. В зависимости от исполняемого поручения они в XVIII – начале XIX в. получали денежное жалованье и «дачи» продуктами: зерно, мука, крупы, масло, мясо, а также дрова и свечи. Дворовые люди могли жить в усадьбе с семьей, могли жениться с разрешения владельца, могли быть переведены в другую вотчину и тем самым разлучены с семьей. От помещика зависело, насколько деспотически или гуманно реализовывал он право распоряжаться жизнью своих крепостных.

Число дворовых людей Фонтанного дома росло. В исповедной ведомости за 1750 г. записаны около 50 человек¹⁵ «дому Его Сиятельства Графа Шереметева» служителей. Это преимущественно мужчины в возрасте 20–40 лет. Преобладание мужского элемента объясняется тем, что тогда в усадьбе полным ходом шли строительные работы.

В шереметевском архиве сохранился список служителей Фонтанного дома на 1768 г. Это своего рода «штатное расписание» с обозначением получаемого денежного содержания и выдаваемых от барина припасов (муки, круп, мяса, масла, солода, соли и т. д.). В списке названы имена 218 мужчин, женщин и «мальчиков», исполнявших те или иные обязанности¹⁶. В их числе те, кто непосредственно прислуживал хозяину и членам его семьи: камердинер (в переводе с немецкого – комнатный слуга), лакеи (21 человек!), «комнатные девушки» (горничные), а также те, кто обеспечивал жизнь такого большого и сложного механизма, как Фонтанный дом: дворецкий (отвечал за порядок в доме и во всей усадьбе), метрдотель (главный повар), мундшенки (служители, заведовавшие напитками), кофешенки (ответственные за приготовление чая, кофе, шоколада), официанты, конюший (отвечавший за конюшню владельцев), кучера, колесники, кузнецы, «кдюшник», «фряжского погреба купорщик», скатертники, хлебники, обойщики, портные, парикмахер, башмачник, истопники, «полочисты», подьячие (писари), служительницы «у мытья и глажения белья», «у присмотру образов и вещей», «командирша над девушками, что в задней (имеются в виду непарадные помещения дома. – А. К.). В штате числились 8 певчих, живописец и дьякон «из малороссиян». Особый штат служителей состоял «при комнатах» молодого графа Николая Петровича, графини Анны Петровны и графини Варвары Петровны. Среди них «калмык», «черкешенка», «карлицы», «французенка Альбертина». В середине XVIII в. примерно так же был устроен и придворный штат, на который равнялись владельцы наиболее богатых домов. В «штатном расписании» Фонтанного дома состояли также многочисленные гайдуки и «мальчики», исполнявшие поручения не только членов семьи, но и главных служащих. Название некоторых обязанностей нам непонятны: например, в числе наиболее высокооплачиваемых (стало быть, важных) служащих – «свис», при котором полагалось быть «мальчику». Знатки быта XVIII в. считают, что это служитель, исполнявший обязанности главного швейцара. Свису также надлежало наблюдать и контролировать хозяйственную жизнь усадьбы. Наиболее важные служители получали в 25–30 руб. в год, а некоторым полагалась отдельная выдача денег «на платье». Низшим служителям платили по 4–5 руб. В «штатном расписании» значились также вдовы и девушки из служителей, получавшие от графа пенсию.

О некоторых наиболее значимых служителях дома графа Шереметева удалось найти более подробные сведения. К сожалению, сохранившиеся документы родового архива не дают возможности более подробно узнать о других, даже самых близких к семье служителях. Мы

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 90. Л. 536–537. Исповедная ведомость (далее – И. в.) церкви Симеона и Анны на Моховой улице 1750 г.

¹⁶ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1509. Л. 1–7. Список служителей... 1768 г.

ничего не знаем, например, кроме имени и фамилии, об одном из первых дворецких Фонтанного дома Иване Уварове, а он, достигнув такого статуса, должен был быть незаурядным человеком. Большинство из высших служащих имели уже тогда полное фамильное прозвание: фамилию, имя и отчество. Среди служителей в 1750-х гг. был некий Василий Негодяев, который почему-то получил столь неблагозвучную фамилию. Так он записан в метрической книге приходской церкви Симеона и Анны при крещении дочерей Пелагеи и Прасковьи. Но когда в 1758 г. родился сын Петр, то в метрической книге отца записали Василием Годяевым¹⁷ – видимо, слишком уж неблагозвучной показалась дьячку эта фамилия!

Метрические книги приходской церкви Симеона и Анны могут многое поведать о событиях, происходивших в семьях шереметевских служителей. В них дьячок (псаломщик) записывал новорожденных младенцев, которых крестили, имя и социальный статус отца (до середины 1820-х гг. имя матери не указывалось), имена восприемников (крестных родителей), а также браки с именами повенчанных жениха и невесты, имена отпетых в церкви умерших прихожан, их возраст, причину смерти и место захоронения. Конечно, не все служители графов Шереметевых обязаны были крестить своих детей или венчаться в приходской церкви, но все же статистика совершенных церковных таинств дает представление об их числе, об их родственных связях, продолжительности жизни, причинах смерти.

Записи обычно начинались словами: «Дому Его Сиятельства графа Шереметева...», иногда с прибавлением его чинов и наград. В начале 1750-х гг. крестили по одному-два младенца, случалась одна или две свадьбы, но умерших бывало больше. Так, в 1752 г. умерло пятеро: служитель Яков Петров, 48 лет, служитель Василий Никитин, 40 лет, служительницы Варвара Петрова, 40 лет, и Екатерина Дмитриева, 69 лет, и трехмесячный сын одного из служителей¹⁸. К середине 1760-х гг., когда жизнь в усадьбе, что называется, была ключом, в исповедной ведомости приходской церкви Симеона и Анны, например, за 1765 г. названо пришедших к исповеди «служителей дома графа Шереметева» 139 человек, в том числе 28 женщин и 111 мужчин¹⁹. И снова обращает на себя внимание тот факт, что женщин меньшинство, очень немногие служители жили здесь с женами. Среди служителей есть имена певчих, поскольку к тому времени в доме действовала домовая церковь Великомученицы Варвары. Встречаются имена братьев Александровых, будущих управителей Фонтанного дома – Дмитрия Александрова, 31 года, Петра Александрова, 27 лет и Никиты Александрова, 21 года, и других лиц, которые в будущем займут видное положение среди дворовых людей. И число крещеных служительских детей стало значительно больше: в том году крещено 10 младенцев, в том числе Анна, дочь Петра Иванова Гонзенкова, дьякона домового церкви Великомученицы Варвары. Это действительно много – во всем приходе в том году появилось на свет чуть больше 60 младенцев.

При анализе записей в метрических книгах обращает на себя внимание важный факт в обычаях и образе жизни людей того времени: восприемниками (крестными родителями) при крещении детей крепостных служителей нередко выступали члены графской семьи, в том числе и дети графа Петра Борисовича Анна, Борис, Николай и Варвара. Крестные родители по христианскому обычаю несут ответственность перед Богом и людьми за судьбу своего крестника. Так, 6 июля 1755 г. у «служителя дому Его Сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева» Семена Васильева родился сын Илья. Неизвестно, какое место он занимал в служительском штате, но восприемниками при крещении записаны дети хозяина, граф Борис Петрович и графиня Анна Петровна Шереметевы²⁰. В 1756 г. они же стали восприемниками сына служителя Дмитрия Иванова. В 1757 г. молодые графы Шереметевы крестили пятерых

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 44. Л. 413. М. к.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 32. Л. 398 об. и далее. М. к.

¹⁹ Там же. Оп. 112. Д. 178. Л. 286 об.–288. И. в. 1765 г.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 38. Л. 402. М. к.

младенцев своих служителей (из шести родившихся). В 1759 г. они же записаны восприемниками при крещении троих младенцев (из четверых родившихся). Примерно такую же картину можно наблюдать и в записях метрических книг в первой половине 1760-х гг. Это необычное, на современный взгляд, явление характерно не только для графов Шереметевых, но и для других владельцев крепостных «душ» – И.И. Шувалова, графов Разумовских, князей Куракиных и других, живших в приходе этой церкви. Такую же картину мы видим в XVIII – начале XIX в. и при крещении детей у служителей богатых купцов. Отсюда вытекает вывод о том, что владельцы крепостных «душ» чувствовали себя ответственными за своих «людей», не отделяли себя от них непроходимой пропастью.

Часто крестными родителями становились управители Фонтанного дома как полномочные представители владельца, особенно если в это время владелец отсутствовал в Петербурге. Крестными бывали и простые служители Фонтанного дома. По обычаю, в этом качестве выступали близкие родственники новорожденных младенцев: бабушки и дедушки, старшие братья и сестры, дяди и тетки. В то время, о котором идет речь, родственные связи определить очень сложно, потому что в метрической записи имя матери ребенка еще не указывалось, а отцы, как правило, писались собственным именем с прибавлением имени отца (например, Иван Петров).

Многие из служителей «штата» 1768 г. будут продолжать службу и при следующем владельце, графе Николае Петровиче Шереметеве, а их потомки – вплоть до отмены крепостного права.

Переезд графа Петра Борисовича в Москву

В семье графов Шереметевых, как и в каждой семье, случались тяжелые времена. Осенью 1767 г. в возрасте 56 лет скончалась хозяйка дома, графиня Варвара Алексеевна, в январе следующего, 1768 г., умер граф Сергей Борисович, младший брат графа Петра, в мае того же года умерла его старшая дочь, графиня Анна Петровна, фрейлина Императрицы, незадолго до этого обрученная с графом Никитой Петровичем Паниным. Семнадцать счастливых лет Фонтанного дома закончились. Граф Петр Борисович «испросил» у императрицы Екатерины II отставку от службы при Дворе и в Сенате и покинул Петербург. Следующие 20 лет он жил в Москве и в своих подмосковных усадьбах – охотился в Маркове, любил бывать в Мещеринове, который обустраивали еще его отец и мать. Лишь однажды в 1782 г. он приезжал на короткое время в Петербург.

Граф Петр Борисович бывал в некоторых своих имениях, но управлял ими через постоянную переписку с управителями, посылая им «повеления» и получая от них «отписки» и рапорты. Многие из этих документов сохранились в родовом архиве Шереметевых, а часть даже опубликована в начале XX в. его правнуком, графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым, который с большим пиететом относился к своим предкам и к истории Фонтанного дома.

Больше всего граф Петр Борисович Шереметев любил и благоустраивал свою усадьбу в подмосковном селе Кусково. Помимо строительства нового дворца и разбивки парка, он завел здесь редкое и дорогое удовольствие – крепостной театр. Его сын и наследник граф Николай Петрович позже так писал об этом: «...Представился покойному отцу моему случай завести начально маленький театр, к чему способствовала уже довольно заведенная прежде музыкальная капель (капелла. – А. К.). Избраны были из служащих в доме способнейшие люди, приучены театральным действиям, и играны сперва небольшие пьесы»²¹.

Усадьба графов Шереметевых «Кусково»

²¹ «Поверенность сыну моему графу Димитрию Николаевичу о рождении его». Цит. по: Станюкович В. С. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л., 1927. С. 5.

По приказу графа управители сначала ближних, а потом и дальних вотчин выискивали талантливых крестьянских детей, привозили их в Кусково, там их обучали грамоте, пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, а потом и иностранным языкам. Театральная труппа возникла в 1778 г. и состояла по преимуществу из молодых девушек и юношей. Театральные «залы» были обустроены в московском доме и в Кускове, в репертуаре театра – оперные спектакли с балетными дивертисментами. Капельмейстерами и учителями танцев для постановки балетных спектаклей иногда приглашались иностранцы. Декорации писали крепостные художники, в том числе Аргуновы и Кондратий Фунтусов.

Зрители приглашались на спектакли дважды в неделю, по четвергам и воскресеньям, причем приезжать могли не только знатные персоны, но и разночинцы. В эти дни гости имели возможность гулять в кусковском парке и «по билетам» смотреть спектакли. Посещали графа Петра Борисовича в Кускове и титулованные особы. Екатерина II побывала здесь дважды, один раз вместе с Императором Священной Римской империи Иосифом II. Они присутствовали на спектакле, который им очень понравился.

Шереметевские крепостные «люди» – актеры, музыканты, художники – принесли владельцам славу и заслужили добрую память о себе. К моменту смерти графа Петра Борисовича в штате театра состояло около 170 человек, в том числе 115 артистов и от 40 до 50 музыкантов. Молодой граф Николай Петрович Шереметев вступил в управление театром после возвращения из-за границы и сделал его лучшим частным театром России XVIII в.

Князь Петр Андреевич Вяземский позже так оценивал такое яркое явление отечественной культуры, как крепостные театры, которых в России было в конце XVIII – начале XIX в. немало: «Это явление приводит ныне в ретроспективный ужас жеманную филантропию и пошлый либерализм, но когда эти полубарские затеи, как иногда они не были бы неудачны и смешны, с другой стороны, развивали в крепостном состоянии хотя и невольные и темные, но не менее того некоторые понятия и чувства изящные. Если бы крепостное владение в России не имело бы других упреков и грехов на совести своей, а только эти полубарские затеи, то можно бы еще примириться с ним и отчасти сказать ему спасибо...»²² Огромные богатства Шереметевых, составленные членами рода в течение нескольких столетий, давали возможность жить «на широкую ногу» и тратить деньги на такие дорогостоящие «затеи».

²² Цит. по: Отголоски XVIII века. Вып. IV. Останкино в 1797 году. СПб., 1897. С. 80–81.

Система управления имениями в XVIII в

Шереметевы со времен Средневековья входили в элиту русского государства, их огромное состояние заключалось в обширных землях с крепостными крестьянами, частью жалованных за службу, частью купленных или полученных в приданое за женами. В числе таких имений – подмосковные вотчины Чиркино, Кусково, Мещериново²³, также земли в Тверском, Нижегородском и других уездах.

После смерти боярина Петра Васильевича Большого Шереметева (отца фельдмаршала и деда графа Петра Борисовича, который умер в 1690 г.) его сыновья раздели отцовское имение. Старший сын, Борис Петрович, его братья, Василий и Владимир, которые имели потомство, стали родоначальниками трех линий рода. Они сохранили и приумножили старые родовые вотчины.

Борис Петрович получил графский титул, его потомки образовали старшую (графскую) ветвь рода Шереметевых. Братья Василий и Владимир права на титул не имели, писались просто дворянами. Потомство генерал-майора Василия Петровича (1659–1733) получило условное название «нижегородской» дворянской ветви Шереметевых. Потомки генерал-поручика Владимира Петровича (1668–1737) образовали так называемую «московско-орловскую» дворянскую ветвь рода. Название «нижегородская» и «московско-орловская» объясняется географическим положением их главных родовых вотчин.

Все три брата, помимо родовых имений, получали новые земельные владения как награду за службу или в качестве приданого за женами. Так, Петр I пожаловал фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву Борисовскую вотчину (позже это Гайворонский уезд Курской губернии), она значится за фельдмаршалом с 1705 г. В 1706 г. он получил от царя Вожажниковскую волость («Графщину») в Ярославской губернии, в 1711 г. Петр I пожаловал фельдмаршалу имения в Лифляндии – дом в Риге и Пебалгскую мызу близ города Вендена (ныне – город Цесис в Латвийской республике), куда владелец переселил часть своих крепостных из Ярославской губернии. Ему также было пожаловано имение Молодой Туд в Тверской губернии.

Сын фельдмаршала, граф Петр Борисович, согласно Указу о единонаследии, по завещанию отца стал главным наследником родовых вотчин, получив около 60 тысяч крепостных. Приданое жены удвоило его состояние. За женой, Варварой Алексеевной, урожденной княжной Черкасской, в род графов Шереметевых перешли Алексеевская вотчина (Бирюченский уезд Воронежской губернии), Поим (Чембарский уезд Пензенской губернии), Серебряные пруды (Веневский уезд Тульской губернии), Ивановская (Шуйский уезд Владимирской губернии), село Останкино с деревнями в Подмоскowie. Граф П.Б. Шереметев стал одним из богатейших помещиков Российской империи. Советские историки часто использовали для характеристики богатств Шереметевых фразу некоего иностранного путешественника о том, что у графа Шереметева сколько же крестьян, сколько у герцога Нассауского подданных.

По данным Генерального межевания земель Российской империи, проводившегося в 1772–1785 гг., за ним состояло в 17 губерниях по 62 уездам – 103 села, 27 селен, 1066 деревень, в которых жило крестьян: в родовых имениях – 93000 душ мужского и женского пола, в приданных за женою – 89000 душ обоего пола, земли за ним значилось 930793 десятины, ему же принадлежали вотчины, подаренные его отцу в Лифляндской губернии (Пебалгская мыза)²⁴. Среди принадлежавших ему владений находились Воскресенская и Изварская мызы в Санкт-Петербургской губернии. Эти земли пожалованы старшему сыну фельдмаршала, графу Миха-

²³ РГИА Ф. 1088. Оп. 2. Д. 361. «Родовая круговина». Рукопись графа П.С. Шереметева. Ок. 1907 г.

²⁴ Данные Генерального межевания 1775 г. Цит. по справке к ф. 1088 (Шереметевы) в РГИА.

илу Борисовичу, умершему в 1714 г., а позже выкуплены у его наследников вдовой фельдмаршала, графиней Анной Петровной.

Совершенно очевидно, что благосостояние таких крупных помещиков напрямую зависело от эффективности управления имением.

Домовая канцелярия

Граф П.Б. Шереметев выстроил свою систему управления обширными вотчинами. Со стороны государства защиты крепостным не было почти никакой, их жизнь, а не только благосостояние, зависели от помещика – от его чувства ответственности за своих «подданных» и от его гуманизма. Граф Петр Борисович это «пространство власти» использовал разумно.

Его крестьяне, «сидевшие» на земле, находились на оброке – то есть каждый крестьянский двор («тягло») должен уплачивать определенную денежную сумму. В некоторых имениях крестьяне работали на поле в пользу барина – эта повинность именовалась барщиной. Некоторые крестьяне получали разрешение (паспорт) на «отхожий промысел» – они уходили в город, там зарабатывали деньги и также уплачивали определенную сумму в пользу владельца. Сравнительно небольшая часть крестьян, как уже говорилось, имела статус дворовых и обслуживала барские усадьбы. Все крестьяне должны были нести еще одну тяжелую повинность в пользу государства – поставлять рекрутов в армию. Администрация вотчин отправляла рекрутов по очереди или в наказание за провинности (вне очереди).

Управление имениями осуществлялась через Домовую канцелярию, которая в то время находилась в Москве, в так называемом Китайском доме (в собственном доме на Никольской улице на территории Китай-города). Лишь изредка граф П.Б. Шереметев лично посещал некоторые свои вотчины. Так, летом 1763 г. он совершил большой «вояж» по вотчинам в Ярославской, Нижегородской и Владимирской губерниях. Его сопровождали члены семьи, 49 человек служителей. «Дневник» этого путешествия, сохранившийся в домовом архиве Фонтанного дома, опубликован графом С.Д. Шереметевым²⁵.

Во главе Домовой канцелярии стоял главноуправляющий, который пользовался полным доверием хозяина. На эту должность нередко приглашались родственники или свойственники. Нет ничего удивительного в том, что даже титулованные особы соглашались принять на себя такие обязанности, особенно если у них была тяга к хозяйственной и административной деятельности или если они испытывали материальные затруднения. В первые годы XIX в. в этом качестве служил князь Федор Павлович Щербатов (1749–1810), генерал-поручик, правитель Выборгского наместничества, который приходился внучатым племянником графу П.Б. Шереметеву: его бабка Анна Васильевна Шереметева из нижегородской дворянской ветви рода – двоюродная сестра Петра Борисовича.

В Петербурге при Фонтанном доме, как уже говорилось, находился свой управитель. В 1768 г., покидая Петербург, Петр Борисович учредил петербургскую домовую канцелярию, подчиненную московской.

Домовая канцелярия разрабатывала инструкции по управлению хозяйством. Иногда они касались всех имений, иногда – конкретной вотчины, поскольку часть из них имела свою хозяйственную специфику. Все дела, касающиеся разных вотчин, обрабатывались и докладывались графу, его резолюции рассылались по вотчинам.

В каждой вотчине имелось свое вотчинное правление. Во главе его стоял управитель (управляющий, приказчик или староста). Он назначался хозяином и отстаивал хозяйские интересы, отвечал за доходность имения. Главнейшая обязанность управителя вотчины – обеспечение своевременного и в полном объеме сбора оброка и недопущение недоимок. Часть управителей – это графские крепостные, некоторые из них – выходцы из прибалтийских губерний, а в отдельных случаях на эти должности приглашались даже иностранцы.

Для успешного ведения хозяйства надо было также соблюсти интересы крестьян. Они «всем миром» выбирали своего представителя – бурмистра или атамана, обычно сроком на

²⁵ Отголоски XVIII века. Вып. X. М., 1905.

год, предпочитая семейных грамотных крестьян, владевших землей. Толковать это как крестьянское самоуправление нельзя, так как любое решение мирского схода мог отменить управитель или приказчик. В результате такого двоевластия возникали нешуточные конфликты между сторонами и даже крестьянские бунты.

Многочисленные документы, касающиеся отдельных вотчин, хранятся в родовых архивах Шереметевых в Российском государственном историческом архиве (РГИА, фонд 1088) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 1287). Они дают возможность изучать систему управления и экономику многих имений. Например, Вошажниковская вотчина включала в себя около 30 селений, а Борисовская – в три раза больше, она состояла без малого из 90 отдельных поселений – кроме самой слободы Борисовки, были другие, меньшие по населенности, слободы и отдельные хутора, в которых проживало более 38 тысяч ревизских душ (то есть лиц мужского пола). Борисовскому вотчинному правлению подчинялось 17 контор, каждая со своим приказчиком. Из документов видно, что уже в середине XVIII в. в Борисовском вотчинном правлении имелись подчиненные приказчику лица – стряпчий (своего рода юрисконсульт), три писаря (их на старый манер иногда именовали повытчиками, подьячими), под их началом находились писцы. Были и другие должностные лица, часть из них – «земские», то есть обслуживали нужды и интересы крестьян, по большей части неграмотных.

Домовая канцелярия вела не только хозяйственные документы по имениям. Там выдавались разрешения на «отлучку» от вотчины, к которой приписан крепостной (так называемые «паспорта»), разрешения на женитьбу или замужество, разбирались спорные дела между крестьянами, проводился набор в рекруты и т. д. Здесь велись журналы наказаний и поощрений крестьян и служителей. Они тоже сохранились в родовом архиве Шереметевых²⁶. Главная награда от барина своим крепостным – отпуск «вечно» на волю. Вольноотпущенные, как их тогда называли, по закону должны были приписаться к какому-либо сословию – в мещане или купцы какого-либо города. Наказывали за нерадивость, воровство, пьянство, буйство, изнасилование. Виды наказания применялись разные: порка плетью, ссылка в дальние вотчины, отдача в рекруты на 25 лет или «в каторжные работы», означавшие отрыв от своей семьи.

Для подготовки управителей и других грамотных служителей, которых требовалось немало, граф Петр Борисович учредил в селе Кускове особое учебное заведение (Кусковскую школу), позже ее будут называть «Канцелярский институт». Система эта оказалась очень разумна: на жалованье вольнонаемным администраторам требовались немалые деньги. Затратив сравнительно меньше средств, можно было иметь своих специалистов. Из выпускников этого частного учебного заведения вышла почти вся крепостная «элита» первой половины XIX в. В одном из исследований названа впечатляющая цифра: через такую «профессиональную подготовку» прошло более двух тысяч человек²⁷.

При графе Петре Борисовиче существовала так называемая Крепостная коллегия, куда входили управители вотчин. На этот факт обращали внимание еще в 1920-е гг. первые исследователи шереметевского родового архива, хранившегося тогда в Фонтанном доме²⁸. Крепостная коллегия напоминала по стилю работы органы государственного управления.

Хозяину важно было иметь надежного человека для управления всеми имениями. Особенно это стало актуально для петербургской усадьбы – Фонтанный дом служил своего рода визитной карточкой графского семейства, здесь было сосредоточено большое число дворовых. Управители Фонтанного дома – это высшая прослойка дворовых, которая пользовалась особым доверием владельца. При графе Петре Борисовиче еще некоторое время оставался в должности управителя Иван Бем. На смену ему назначили Василия Якимовича Замятина.

²⁶ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Там содержится несколько дел с журналами наказаний, относящихся к XVIII в.

²⁷ Антонова Л.В. Крепостные таланты в усадьбах Шереметевых. М., 1964. С. 5.

²⁸ Записки ИБО. С. 149.

Василий Замятин и его семья

Имена В.Я. Замятина и членов его семьи неоднократно встречаются как в документах родового архива, так и в метрических книгах и в исповедных ведомостях приходской церкви Симеона и Анны. Мы не знаем точно, когда и где родился Замятин. О дате рождения можно судить по некоторым косвенным данным, но они, как нередко бывает, противоречивы. Так, в 1750 г. среди пришедших к исповеди служителей «дому графа Шереметева» записан управитель Василий Якимов сын Замятин, 40 лет, жена его Прасковья Степанова, 33 лет, сын Тимофей, 10 лет²⁹. В 1765 г. к исповеди явились управитель Василий Якимов Замятин, 61 года, жена его Прасковья Степанова, 54 лет, и дочь их Елизавета, 13 лет³⁰. Возраст в исповедных ведомостях псаломщик обычно записывал со слов причастника. Таким образом, можно предположить, что Замятин родился между 1710 и 1712 гг. – то есть близко ко времени основания усадьбы на Фонтанке. Выше упомянуто о двух его детях, но были и другие. Старший сын, Тимофей, родился около 1740 г.; Елизавета появилась на свет в 1750 г.; в 1754 г. родился Василий, который умер в возрасте 6 недель³¹; в 1756 г. родился сын Иван, который также умер в возрасте одного года.

Управители всегда находились в привилегированном положении. Оно подчеркивается таким, например, обстоятельством, как выбор восприемников при крещении детей. Так, при крещении Елизаветы Замятиной ее крестным отцом стал архитектор Савва Иванович Чевакинский, принимавший участие в строительстве главного усадебного дома, при крещении Ивана Замятина восприемниками стали граф Николай Петрович и его старшая сестра, графиня Анна Петровна. У В.Я. Замятина были свои служители из крепостных, что также подчеркивает особое положение управителя в системе крепостной администрации. Сохранившиеся документы не дают, к сожалению, возможности оценить его человеческие и административные качества.

Василий Якимович Замятин умер 28 мая 1773 г. и погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря, на надгробии отмечено, что жил он 75 лет 3 месяца и 28 дней³². Следовательно, дата его рождения «передвигается» на еще более ранний срок. Примечательно, что управитель погребен на самом престижном в то время кладбище Петербурга, где хоронили и самих Шереметевых. Место для погребения на Лазаревском кладбище стоило очень дорого.

Особое положение среди прочих служителей занимали и члены семейства В.Я. Замятина. В метрических книгах приходской церкви часто упоминаются как восприемники детей крепостных служителей его жена Параскева Степановна, сын Тимофей и дочь Елизавета.

Тимофей Замятин в начале 1760-х гг. значился служителем дома графа Шереметева, однако к 1765 г. он поступил на государственную службу. Это обстоятельство указывает на то, он уже не был крепостным, поскольку крепостные не имели на это права. В 1767 г. Тимофей значится как «Правительствующего Сената подканцелярист», затем сенатский канцелярист, в 1779 и 1781 гг. он упоминается как губернский секретарь. Связей с шереметевской усадьбой Тимофей Замятин не прерывал, и 26 октября 1768 г. он венчался с Ириной Васильевой, дочерью умершего священника домового церкви Фонтанного дома. Поручителями при венчании в метрической книге записаны отец жениха и служитель Василий Вороблевский³³. Брак моло-

²⁹ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 112. Д. 90. Л. 536 об. И. в.

³⁰ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 112. Д. 178. Л. 286 об. И. в.

³¹ Там же. Оп. 111. Д. 36. Л. 372. М. к.

³² ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 122. Д. 57. Л. 400 об. М. к.; Петербургский некрополь (далее – ПН). Т. 2. СПб., 1912. С. 185.

³³ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 64. Л. 362 об. М. к.

дого Замятина с дочерью священника показывает, что семья жениха стояла выше по статусу, чем другие служители.

У Тимофея Замятина и его жены родилось пятеро детей: в 1772 г. сын Николай, умерший в годовалом возрасте «от колютья» – так почти всегда в метрических книгах того времени обозначали причину смерти младенцев. В 1774 г. у них родилась дочь Анна, в 1877 г. – дочь Евдокия (она тоже умерла, не дожив до года), в 1779 г. – сын Никита и в 1781 г. – дочь Мария. Восприемниками детей стали бабушка Параскева Степановна и капитан (позже премьер-майор) Григорий Львов, что также свидетельствует о переходе Замятиных на другой, более высокий социальный уровень. О судьбах этих представителей третьего поколения рода Замятиных сведений пока не обнаружено.

Семья служителей Чубаровых

Среди петербургских служителей «дому графа Шереметева» значится семейство Чубаровых. Из какой именно вотчины они попали в Петербург, неизвестно, но прежний их владелец – князь А.Б. Черкасский. Иван Чубаров находился в Петербурге, судя по сохранившимся документам, уже в 1730-е гг., когда отстаивал в суде имущественные интересы своего тогдашнего хозяина, князя Черкасского³⁴. Иван Васильевич Чубаров оставался особо доверенным лицом графа Петра Борисовича, он был, безусловно, грамотным и опытным служителем. Летом 1763 г. управитель Чубаров сопровождал своего барина в поездке по вотчинам. В Дневнике этого путешествия есть запись за 28 июля: «Выдано Чубарову за издержанные собственные его деньги на покупку раков и в подаче в милостину 80 к. В городе Володимере выдано Ивану Чубарову на раздачу в милостину 4 р. 50 к.»³⁵. При нем состоял особый дворовый человек. Чубаров исполнял разные обязанности: значился казначеем, а по штату 1768 г. – официантом и мундшенком со сравнительно высоким окладом – 30 руб. и 50 руб. «на платье»³⁶. Позже граф распорядился перевести его в Москву, управителем Кускова и всех московских домов. Незадолго до смерти граф П.Б. Шереметев повелел определить его в Домовую канцелярию «на правах с управителями»³⁷. Чубаров умер в Москве в начале весны 1788 г., и на его место из Петербурга в Москву перевели Ивана Петровича Аргунова. В приказании, посланном управителю Фонтанного дома Петру Александрову, есть такие строки: «...бывший при доме моем управителем Иван Чубаров умре, то на место его определяю Ивана Аргунова...»³⁸. Семья покойного Чубарова получала от графа пенсию и жила в московском доме графа, где поселилась и семья Аргунова.

Сын Чубарова Алексей продолжал службу при графе Николае Петровиче: по штату 1803 г. значился подкамердинером «при комнатах графа» с жалованьем 188 руб. в год. Он пользовался особым доверием и фактически стал секретарем графа. В его обязанности входило, например, ведение особой тетради для записи всех приказаний, он же должен был держать под контролем их исполнение³⁹. По завещанию Николая Петровича, он получил «в награждение» 12 тыс. руб. и вольную, оформленную в 1809 г.⁴⁰

Видное место в системе администрации занимали братья Ивана Чубарова, Антон Васильевич и Тимофей Васильевич Чубаровы. По штату 1768 г. при каждом из них состояли «хлопцы» – мальчики для посылок. Их имена присутствуют в метрических книгах Симеонов-

³⁴ Записки ИБО. С. 63.

³⁵ Отголоски XVIII века. Вып. X. С. 20, 31.

³⁶ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1407, 1411, 1509.

³⁷ Там же. Д. 1524.

³⁸ Отголоски XVIII века. Вып. VIII. М., 1900. С. 3.

³⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Д. 55. Л. 70.

ской церкви 1760-х гг., где они записаны восприемниками или поручителями при венчании дворовых людей. Тимофей Чубаров вместе с дочерью управителя Замятина был восприемником при крещении в 1770 г. дочери дьякона домово́й церкви Петра Иванова Гавенкова, а Антон Чубаров – восприемником младенца Николая, сына «Василия Александрова, живописца», что тоже указывает на их более высокое положение в иерархии служителей⁴¹. Антон Чубаров в 1772 г. был переведен из Петербурга управителем Кускова, в архиве сохранились «Инструкции», данные ему графом Петром Борисовичем.

В числе пришедших к исповеди в 1808 г. значится еще служитель Николай Чубаров, 29 лет. К сожалению, нам не встретилось указание на его отчество, но, без сомнения, он принадлежал к этому доверенному семейству. В том же году, при формировании штата новообразованной Домовой канцелярии в Петербурге, Николай Чубаров определен на должность первого бухгалтера с окладом 600 руб. в год⁴².

Александровы

При графе Петре Борисовиче и при его сыне важное место в управлении графскими имениями играло крепостное семейство Александровых. Неизвестно, к какой вотчине они были первоначально приписаны. Известны имена пяти братьев: Дмитрий, Петр, Никита, Осип и Алексей. В то время все они еще не имели трехчастного фамильного прозвания, писались собственным именем, данным при крещении, с прибавлением имени отца (Александра). И лишь их дети (третье поколение) приобрели постоянное трехчастное прозвание: фамилию, имя и отчество. Старшие братья Дмитрий, Петр и Никита, более полувека занимали первенствующие места среди служителей Фонтанного дома.

Дмитрий Александров родился в середине 1730-х гг.: по исповедной ведомости 1765 г. ему 31 год, в 1780 г. указан его возраст на тот момент – 41 год. В списке служителей на 1774 г. он поименован стряпчим и старшим писарем, при нем состояло четверо служителей в помощь⁴³. Это не просто доверенное лицо, но своего рода крепостной юрисконсульт, поверенный в делах, обладавший специальными знаниями и пользовавшийся полным доверием хозяина. Ему приходилось жить между двумя столицами. В 1780 г. Дмитрий Александров с женой Ириной Антоновой, 30 лет, значится в исповедной ведомости Симеоновской церкви⁴⁴; в январе 1782 г. в метрической книге того же храма есть запись о рождении и крещении их сына Павла. Скончался Дмитрий Александров в Петербурге 5 марта 1785 г., в возрасте 54 лет, «от горячки» и похоронен на Волковом кладбище⁴⁵.

Дмитрий Александров был дважды женат, оба раза венчался в Петербурге. Его первая жена, Параскева Ивановна, умерла в июне 1774 г. в возрасте 30 лет «от водяной»⁴⁶. Во второй брак он вступил в ноябре того же 1774 г. со служительницей графа Кирилла Григорьевича Разумовского Ириной Антоновой⁴⁷. Его сын от второго брака Павел Дмитриевич Александров сначала находился в обучении у художника Николая Аргунова, но в январе 1803 г. определен «в Контору к Дмитрию Григорьевичу в писцы...»⁴⁸. Имеется в виду «правитель дел» Собственной канцелярии графа Н.П. Шереметева Д.Г. Малимонов, о котором речь впереди. В штате Канцелярии он числился экспедитором в Хозяйственной экспедиции, по распоряжению

⁴¹ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 68. Л. 323. М. к.

⁴² РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217.

⁴³ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1520.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 284. Л. 841 об. И. в.

⁴⁵ Там же. Оп. 111. Д. 98. Л. 440 об. М. к.

⁴⁶ Там же. Д. 76. Л. 375. М. к.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 76. Л. 373 об.

⁴⁸ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 9.

Опеки над личностью и имением малолетнего графа Дмитрия Николаевича в 1815 г. назначен помощником своего заболевшего дяди, управителя Никиты Александрова, для охранения особо ценного движимого графского имущества (бриллианты, золото, серебро, ломбардные билеты, закладные, наличные деньги)⁴⁹. Впоследствии Павел Дмитриевич получил вольную, но остался при Фонтанном доме, служил секретарем при попечителе малолетнего графа Дмитрия Николаевича Шереметева М.И. Донаурове, был «награжден» чином сенатского регистратора. В 1811 г. Павел Дмитриевич Александров венчался в Симеоновской церкви с девицей Матреной Екимовой, вольноотпущенной от княгини Елены Никитичны Вяземской. Павел Александров умер в октябре 1836 г. в возрасте 54 лет, «от горячки», погребен на Волковом православном кладбище⁵⁰. У супругов родилось пятеро детей, но их судьба неизвестна. Во всяком случае, они были уже свободными людьми.

Брат Дмитрия Александрова, служитель Алексей Александров, в 1788 г. значился в должности кусковского управителя.

Дольше всего в Фонтанном доме прослужил Петр Александров, третий член этого семейства. Он родился около 1742 г.: согласно исповедной ведомости 1780 г., ему на тот момент исполнилось 38 лет. По штату 1768 г. он обозначен первым из официантов с жалованьем 16 руб. в год. После отъезда графа Петра Борисовича из Петербурга в Москву Петр Александров с двумя другими управителями отвечал за все хозяйственные дела и всех служителей. Скорее всего, он был повышен из служителей до управителя в 1774 г., после смерти Замятина, и при нем состояло четверо служителей в помощь⁵¹.

Петру Александрову адресовано множество приказаний от графов Петра Борисовича и Николая Петровича по разным вопросам – как хозяйственного, административного, так и личного характера.

В мае 1772 г. граф Петр Борисович Шереметев в своем «повелении» управителю петербургского Фонтанного дома Петру Александрову приказывал: «Во многих газетах пишут, что касается до моего имени, не пишут ни графства, ни имени моего, а иные пишут фамилию Шереметьева. Того ради в Академию съездить и о том объявить и попросить, чтоб то графство, имя и отчество были печатаны так, как про многих, которые малые чины имеют, печатают порядочно»⁵². Академия наук упоминается в связи в том, что именно в академической типографии печаталась газета «Санкт-Петербургские ведомости».

После переезда своего в Москву граф часто поручает своему управителю покупки дорогостоящих вещей: картин, бриллиантовых украшений, мебели, заморских тканей, игрушек, косметических средств, а также французских книг, французских вин и др. «Лапиеру за написание моего портрета велеть заплатить Ивану Аргунову 900 руб. из доходов Миллионного дома. 1 июля 1872. Мещериново»⁵³. «Отписки твои от 27 дня [февраля 1788 г.] и приложенные при том газеты и кафтан мой, вышитый в Петербурге, получены, и кафтан вышит изрядно...». «Отписка твоя сего марта от 23 получена, которою представляешь – образцов манжеты тобою получены и по отыскании кружев точно такие сделать закажешь...». «Отписка твоя от 1 сего месяца получена. Пишешь, что бархат на дело сапогов тобою отправлен, а замши по покупке пошлются ж. Того ради присылкою замшев поспешить, потому что оные для меня нужны...»⁵⁴. Петру Александрову поручалась и покупка произведений искусства. Так, в 1777 г. он предписывал управителю: «Ежели покупные тобою картины будут хорошего мастерства, я дам тебе

⁴⁹ Там же. Д. 288. Л. 24.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 280. Л. 426 об. М. к.

⁵¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512.

⁵² Граф Петр Борисович Шереметев. Хозяйственные указы управителям... // Русский архив. 1898. Вып. 4. С. 516.

⁵³ Там же. С. 517.

⁵⁴ Отголоски XVIII века. Вып. VIII. М., 1900. Л. 4–5.

комиссию и впредь в аукционе хороших мастеров картины покупать для меня, ибо, случается, продают их очень дешево. А можно их показывать г. Николаю Петровичу и Ивану Аргунову и с их апробации покупать...»⁵⁵

Отношения между графом Петром Борисовичем и Петром Александровым, судя по сохранившимся документам, были доверительные, если не сказать близкие. Так, в письме от 8 декабря 1771 г. граф пишет управителю: «Об дочери твоей я чистосердечно об тебе сожалею, но как на то воля Божия и поворотить таковую не можно, надо входить в разсуждение и беречь себя»⁵⁶. В письме графа от 21 сентября 1788 г., отправленном из Кускова в Петербург, в Фонтанный дом, читаем: «Пишешь, что ты болен простудой, от оной надобно лечиться и содержать себя несколько дней в покое и тепле; оную легко можно получить, а особливо за нынешнее осеннее время, и впредь надобно беречься и одеваться – сходственно времени потеплее, а как ты подагрик, то более беречь ноги, чтобы не промочить...»⁵⁷ После смерти графа Петра Борисовича бывший при нем в Москве управитель Никита Александров писал брату Петру в Фонтанный дом: «...мы лишились отца и питателя...»⁵⁸.

Петр Александров продолжал службу и при графе Николае Петровиче. Из «Повелений» графа 1793 г. следует, например, что ему предписано оплачивать покупаемые книги, картины, другие счета, выдать 500 руб. «бывшему учителю Вильневу», пересылать деньги в Москву «из иржских моих денег»⁵⁹ (имеются в виду доходы с лифляндских вотчин – Пелбалгской мызы и других). Последний раз имя Петра Александрова как управителя упоминается в документе 1794 г.

Петр Александров, как и его брат Дмитрий, часто выступал восприемником при крещении детей или поручителем при венчании дворовых людей, свидетельствуя от лица отсутствующего хозяина законность таинств.

Семейная жизнь Петра Александрова складывалась непросто. Его первая жена Наталья Гаврилова умерла 11 сентября 1771 г. в возрасте 25 лет. Ее происхождение нам неизвестно. В метрической книге, где сделана запись об отпевании, есть помета: «Лежала два месяца, погребена в Ямской»⁶⁰. Кладбища в бывшей Ямской слободе теперь не существует. Летом следующего года вдовец венчался вторично, со служительницей «дому камергера Нелединского-Мелецкого» Агафьей Васильевой. Поручителями при венчании записаны управитель Василий Замятин и некий Михаил Олегов, «придворной канторы подканцелярист»⁶¹. В феврале 1799 г., после смерти второй жены, он вступил в третий брак «с вольноотпущенной от барона Васильева служительницей» Матроной Матвеевой, поручителями при венчании записаны управители Никита Александров и Никита Сворочаев⁶². Обратим внимание на тот факт, что две его жены не принадлежали к «дому графа Шереметева», что, возможно, объясняется нежеланием брать в жены кого-то «из своих», стоявших ниже его по положению.

От трех браков у Петра Александрова родилось 11 детей. Дети управителя, как видно из записей в метрических книгах, тоже находились на особом положении. Так, восприемниками при крещении в 1775 г. дочери Анастасии стали «губернской канцелярии советник Иван Наумов Неволин и Санкт-Петербургского купца Григория Федорова Никонова Ульяна Иванова» – то есть чиновник, который в то время стоял неизмеримо выше крепостного, а также жена вид-

⁵⁵ Станюкович В.К. К вопросу о картинных галереях русских вельмож XVIII века // Записки ИБО. С. 91.

⁵⁶ Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 286.

⁵⁷ Отголоски XVIII века. Вып. VIII. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 19.

⁵⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 146. Л. 1–1 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 70. Л. 382. М. к.

⁶¹ Там же. Д. 73. Л. 270. М. к.

⁶² Там же. Д. 175. Л. 259. М. к.

ного купца⁶³. Восприемником при крещении сыновей Александра в 1779 г. и Василия в 1788 г. и вовсе соблаговолил стать камергер князь Александр Борисович Куракин, близкий друг графа Николая Петровича Шереметева: оба молодых вельможи вместе путешествовали по Европе и оставались в дружеских отношениях после возвращения на родину.

Старшая дочь Петра Александрова, Агриппина, с юных лет была восприемницей не только своих братьев и сестер, но и детей многих дворовых – она как бы наследовала роль своего отца. Другая дочь, Анна, в сентябре 1792 г. выдана замуж за секунд-майора Михаила Егоровича Зверева⁶⁴, служившего при штабе генерал-аншефа И.П. Салтыкова. Такой брак тогда довольно редкое явление: офицер женился на дочери крепостного служителя. Вероятно, приданое было немалое, и, с другой стороны, положение управителя графа Шереметева делало такой брак хоть и неравным в социальном плане, но возможным.

Сохранилось распоряжение графа Николая Петровича Шереметева от 29 августа 1796 г., касающееся семьи управителя: «Домовой моей канцелярии. Детей Петра Александрова стараться отдать учиться грамоте, читать, писать по-русски а также и арифметике, а про прописанные в твоей отписке науки оставить»⁶⁵. Скорее всего, распоряжение касалось мальчиков. Имена некоторых из них остались в бумагах родового архива.

Сын Петра Александрова Иван родился, согласно метрическому свидетельству, 2 января 1783 г. и крещен, скорее всего, в домовый церкви⁶⁶. 25 января 1800 г. граф Николай Петрович повелел: «Собственной моей канцелярии. Бывшего управителя Петра Александрова сына Ивана Александрова отдать чрез Павла Аргунова для обучения в Академию художеств с запла-тою в год в оную Академию за его содержание и обучение 175 рублей...»⁶⁷. Учился он в Академии художеств очень хорошо, в 1802 г. получил серебряную медаль, в 1803 Совет Академии присудил ему 2-ю золотую медаль и удостоил аттестата 1-й степени, с награждением шпагой. Осенью 1802 г. граф Н.П. Шереметев отдал касающееся молодого художника распоряжение: «Собственной моей канцелярии. За поднесенный мне от учащегося в Академии художеств писанного учеником Иваном Петровым портрет Императора Александра Павловича живописный поколенный, выдать 100 рублей»⁶⁸. Среди «Повелений» графа Н.П. Шереметева сохранился документ, датированный 24 октября 1803 г.: «Собственной моей канцелярии. Узнав успехи талантов, почерпнутых в благотворительном заведении Императорской Академии художеств ученика, отданного из домовых служителей моих, Ивана Петрова сына Александрова, даю я ему свободу вечную... и далее приобретать успехи в познаниях, для чего, написав отпускную, взнести к моему подписанию»⁶⁹.

Имя Ивана Александрова значится в списке окончивших Академию художеств⁷⁰. После окончания учебы и получения вольной он поступил на государственную службу. С 1804 по 1807 г. художник находился в Китае, при русском посольстве графа Головкина. По возвращении он получил звание академика за портрет необычной модели «Ван – зять китайского Императора». В сохранившихся документах Иван Александров значится титулярным советником. К сожалению, он рано скончался.

Женился Иван Александров на некоей Екатерине Денисовой, принадлежавшей к римско-католическому вероисповеданию. 7 июля 1820 г. она, будучи уже вдовой, перешла в право-

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 78. Л. 365. М. к.

⁶⁴ Там же. Д. 112. Л. 434 об.–435. М. к.

⁶⁵ Отголоски XVIII века. Вып. XI. М., 1905. С. 44.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 95. Л. 379. М. к.

⁶⁷ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 280–281.

⁶⁸ Столетние отголоски. 1802 год. М., 1902. С. 49.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 260.

⁷⁰ Кондаков С.Н. Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764–1914. Ч. 2. Словарь русских художников. СПб., 1915. С. 3.

славию, причем восприемниками при этом таинстве стали граф Дмитрий Николаевич Шереметев и жена генерал-майора Шереметева (троюродного дяди графа) Татьяна Ивановна⁷¹. Вдова умерла в марте 1823 г., в возрасте всего 25 лет, от чахотки, ее отпевали в домово́й церкви и похоронили на Волковом православном кладбище⁷².

Сын Петра Александрова Павел, родившийся в 1784 г., служил сначала в Домовой конторе при архиве секретарем. Его имя значилось среди тех служителей, которых по завещанию графа Николая Петровича должны были отпустить на волю. Когда составлялось завещание, Павел Петрович Александров был еще холост, со временем он женился на девице Варваре Григорьевой, у них родились сыновья Петр и Николай. В 1812 г. Павел служил кусковским приказчиком. Ему пришлось отвечать за разграбление графского имущества во время короткой оккупации Кускова французскими войсками, когда усадьбу разграбили. Опека над личностью и именем малолетнего графа Д.Н. Шереметева обвинила его «в расхищении имущества графов Шереметевых»⁷³, но он сумел оправдаться. В 1815 г. Павел Александров назначен домоправителем Останкина. Павел Петрович Александров и его семья по завещанию графа Николая Петровича Шереметева получили вольную⁷⁴.

Александровы служили графскому дому еще долгое время. На смену Петру Александрову в делах управления Фонтанным домом пришел третий из братьев – Никита Александров. Он занял первенствующее место в администрации Фонтанного дома с переездом графа Николая Петровича из Москвы в Петербург. О нем речь еще пойдет ниже.

Аргуновы и другие крепостные художники графов Шереметевых

Семья крепостных служителей Аргуновых происходила из села Останкина. Иногда эта фамилия, особенно в документах первой половины и середины XVIII в., писалась как Оргуновы. Несколько Аргуновых принадлежали к верхушке крепостной администрации, служили при графе Петре Борисовиче Шереметеве управителями. Но из этого рода вышло восемь художников, архитекторов и скульпторов, обладавших разной степенью таланта, которые вошли в историю русской культуры XVIII – первой половины XIX в. Об Аргуновых существует большая литература⁷⁵.

Многие из членов этого рода в XVIII – начале XIX в. тесно связаны с Петербургом и с Фонтанным домом. Родители княжны Варвары Алексеевны Черкасской, в замужестве графини Шереметевой, имели в Петербурге дом на Миллионной улице, неподалеку от Зимнего дворца («Миллионный дом»). Дом перешел в собственность графа Петра Борисовича. Его управителем служил Семен Михайлович Аргунов (ок. 1685 – ок. 1765), после его смерти вдова Анна Аргунова получала от графа П.Б. Шереметева пенсию⁷⁶.

Его сын, Федор Семенович Аргунов (1733 – после 1768), стал архитектором. Он, несмотря на крепостное состояние, сумел пройти обучение у зодчих Канцелярии от строений и в 1739 г. «произведен» в подмастерья⁷⁷. Федор Аргунов под руководством С.И. Чевакинского участвовал в строительстве Фонтанного дома, работал в Кускове, где строил Оранжерею, павильоны Грот и Бельведер в парке, кухонный флигель. После смерти отца Федор Аргунов

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 196. Л. 405. М. к.

⁷² Там же. Д. 208. Л. 285. М. к.

⁷³ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1616.

⁷⁴ Там же. Д. 934. Л. 4.

⁷⁵ Станюкович В.К. Крепостные художники Шереметевых. К двухсотлетию со дня рождения Ивана Аргунова // Записки ИБО. С. 131 – 178; Селишова Т.А. Иван Аргунов. М., 1973; Ракина В.А. Живописец Николай Аргунов. М., 2004; Преснова Н.Г. Аргуновы. Крепостные художники Шереметевых: каталог выставки. М., 2005.

⁷⁶ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512.

⁷⁷ Безсонов В. С. Крепостные архитекторы. С. 47–48.

стал управителем Миллионного дома. Его вдова Акинья Даниловна и дети также получали от графа Шереметева пенсию⁷⁸.

Племянник Семена Михайловича Федор Леонтьевич Аргунов (1718–1754) жил с семьей дяди в Петербурге. Известен и как иконописец, и как светский художник, учившийся у известного живописца петровского времени А.М. Матвеева.

Другой племянник Семена Михайловича, Иван Петрович Аргунов (1729–1802), после смерти своего дяди и двоюродного брата также служил управителем Миллионного дома. Но в историю Иван Аргунов вошел вовсе не как управитель, а как талантливый художник-портретист. Учебного заведения, готовившего художников, тогда еще не существовало, но в Петербурге работало несколько мастеров, приглашенных из Западной Европы, и Аргунов вполне мог учиться у них. Иван Петрович к 1740-м гг. сравнялся своим мастерством с ними, в последующие десятилетия создал десятки портретов, хранящихся ныне в музеях Петербурга и Москвы.

Иван Петрович Аргунов написал несколько портретов графов Шереметевых и их родни. Граф Петр Борисович в портрете, написанном в 1753 г., предстает перед зрителем с Аннинской лентой и звездой, что подчеркивает его высокое общественное положение. У ног его собака, которая напоминает об излюбленном развлечении русской знати – охоте. Этот портрет находился в Фонтанном доме, а ныне – в Государственном Эрмитаже. В 1760 г. И.П. Аргунов написал парные портреты графа и его супруги графини Варвары Алексеевны, которые находятся в Останкинском дворце-музее. Писал Аргунов и так называемые «исторические портреты» (то есть написанные после смерти моделей). Это портреты фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, его жены графини Анны Петровны, и портреты князя и княгини Черкасских, родителей графини Варвары Алексеевны, которые написаны в Петербурге в 1760-е гг. С них позже делались копии, одна из них с конца XIX в. украшает Аванзал Фонтанного дома. Портреты, созданные в Петербурге, после переезда графа П.Б. Шереметева в Москву Иван Аргунов отправлял в кусковский дом. Сейчас они украшают стены гостиной в музее-усадьбе Кусково.

⁷⁸ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1512.

И.П. Аргунов

Иван Аргунов писал портреты и по заказу. Среди его моделей были даже крепостные, выкупившиеся на волю. Он занимался также обучением молодых художников.

Однако Иван Аргунов – это крепостной служитель, правда, принадлежавший к крепостной верхушке. В штате 1768 г. он значился именно как живописец с жалованьем 25 руб. в год, а при нем два человека «верховых» и один дворовый⁷⁹. В списках служителей 1774 г. он назван художником, при нем в качестве помощников состояло трое крепостных служителей⁸⁰. Ему

⁷⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1509. Л. 2 об.

⁸⁰ Там же.

приходилось выполнять разные поручения хозяина. Так, граф Петр Борисович повелел ему в 1768 г. заняться развеской картин в Фонтанном доме. Ему поручалась также покупка картин и других произведений искусства. В 1771 г. Иван Аргунов выполнял приказ графа «перечислить» картины Фонтанного дома и отправить их в Москву, ему приходилось делать копии с портретов исторических персон для Картинной галереи в Кускове.

В 1788 г. граф П.Б. Шереметев назначил Аргунова управителем московского дома вместо умершего управителя Матвея Черкасова. В Москве он заведовал графскими домами, отвечал за сохранность драгоценностей, составлял ведомости движимых имений и т. п. Он стал также членом крепостной коллегии. Иван Аргунов еще продолжал работать как художник, но силы были на исходе. В одном из документов шереметевского архива 1792 г. есть очень красиво начертанная его подпись-автограф.

Умер И.П. Аргунов в крепостном состоянии. Однако заслуги его высоко оценили. Его вдова Марфа Николаевна Аргунова, 59 лет на 1802 г., в Москве «в старом Китайском доме» имела исключительно щедрое денежное содержание – 880 руб. в год и «кормовые припасы»⁸¹.

В семье И.П. Аргунова были сыновья Павел, Николай, Яков и четыре дочери. Елизавета Аргунова получила вольную и в 1807 г. собиралась выйти замуж за корнета Мало-ярославского кирасирского полка Михаила Гвинеева, но брак расстроился. Другая дочь, Елена, в 1807 г. получила вольную и ушла в Тихвинский монастырь, особо почитаемый в роду Шереметевых.

Старший сын, Павел Аргунов (1768–1806), известен как архитектор. Родился в 1768 г. в Петербурге, рисованию и черчению выучился у отца, Ивана Петровича, архитектуре – у дяди, крепостного архитектора Федора Аргунова, который работал при строительстве Фонтанного дома в середине XVIII в. Павел Аргунов учился также у зодчего В.И. Баженова, видел, как строились знаменитые петербургские дворцы.

Ему приходилось по воле хозяина менять места работы. Павел Аргунов работал при ремонтах и перестройке главного дома. В конце XVIII – начале XIX в. он участвовал в перестройках в Фонтанном доме, которые велись по проекту архитектора Кваренги, участвовал в постройках служебных флигелей усадьбы на Фонтанке. В 1793 г. граф Н.П. Шереметев поручил Павлу Аргунову, вместе с другими крепостными архитекторами, работы по сооружению в селе Останкине нового дворца, где главным помещением стал театральный зал, оборудованный по последнему образцу театральной механики. Павел очень переживал оттого, что он не получил вольную в 1803 г. вместе с несколькими близкими графу людьми. Вероятно, управители жаловались на него, почему появилось такое повеление графа Николая Петровича: «... Аргунову... выдавать кормовые деньги, а Никите Александрову иметь за ним, Аргуновым, крайнее наблюдение, и самому смотреть за работами и делать понуждение безвыходно...»⁸². Судя по сохранившимся документам, он отличался любовью к спиртному. Умер Аргунов 6 марта 1806 г., в возрасте 38 лет, «от горячки», как сказано в метрической книге⁸³, отпевали его в домовая церковь Фонтанного дома и похоронили на Волковом православном кладбище.

Именно о таких, как Павел Аргунов, один иностранный дипломат, близко наблюдавший стиль отношений между крепостными и их владельцами, писал: «Многие русские художники, рожденные... на славу своему Отечеству своим дарованием к скульптуре, живописи, гравюре и другим искусствам, кончали тем, что меняли культ муз на культ Бахуса, из храма Аполлона отправлялись в кабаки...»⁸⁴

Николай Иванович Аргунов (1770–1828), второй сын Ивана Петровича, стал художником-портретистом. Учился у своего отца, писал портреты Шереметевых и их близких, а также

⁸¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1556. Л. 1 об. Список пенсионеров графа Н.П. Шереметева. 1802 г.

⁸² Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 18.

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 144. Л. 363 об. М. к.

⁸⁴ Цит по: Коц Е. С. Крепостная интеллигенция. Л., 1926. С. 18.

и заказные портреты. Среди них такие известные произведения, как портрет Прасковьи Ивановны в красной шали (1801 г.), ее же портрет в полосатом халате (1803 г.), оба находятся в Кускове. Им же написаны несколько портретов графа Николая Петровича, портрет крепостной балерины Татьяны Шлыковой (Гранатовой), портрет маленького графа Дмитрия Николаевича с птичкой (местонахождение оригинала, находившегося в Фонтанном доме, неизвестно, копия в Кускове) и др.

Н.И. Аргунов

В 1797 г., когда по случаю коронации император Павел I посетил Останкино, Николай Аргунов написал к этому визиту парадный портрет Императора (ныне в Останкине). Он создал также множество заказных портретов, один из которых – портрет Г.Р. Державина (ныне – в

ГРМ). По завещанию графа Н.П. Шереметева Николай Аргунов получил вольную, которая была документально оформлена в 1815 г.⁸⁵ В 1818 г. Николай Иванович Аргунов за представленный им Совету Академии портрет сенатора Рунича удостоился звания академика Императорской Академии художеств⁸⁶.

Третий сын Ивана Петровича Аргунова Яков (1784 – после 1837) – художник-график, также писавший портреты, получил вольную вместе с братом Николаем.

Дочь Ивана Аргунова Марья еще в октябре 1797 г. получила вольную в связи с выходом замуж за некоего отставного прапорщика Воронежского. Другая дочь, Елена, по просьбе матери отпущена в 1808 г. Опекой в Тихвинский монастырь. Еще две дочери получили в 1808 г. вольную и вышли замуж.

Портреты кисти отца Ивана Аргунова и его сына Николая до революции находились в собственности графов Шереметевых, откуда их передали в музеи. Но работы этих мастеров публика видела на знаменитой Таврической выставке русского портрета в 1905 г., они воспроизведены в Каталоге выставки, изданном великим князем Николаем Михайловичем. В советское время прошло несколько персональных выставок Аргуновых, приуроченных к их юбилеям. Осенью 2005 г. в Государственной Третьяковской галерее состоялась выставка, посвященная творческому наследию Аргуновых. Она позволила собрать воедино работы, разбросанные по разным музеям России и частным собраниям, и наглядно показала значимость творческого наследия этой даровитой семьи, происходившей из крепостных графов Шереметевых⁸⁷.

Среди шереметевских крепостных были и другие талантливые люди, имена которых сохранились в истории русского искусства. Некоторые из них связаны с Фонтанным домом либо жили в Петербурге. Кроме Аргуновых, которым посвящена эта глава книги, назовем еще некоторых.

Иван Алексеевич Черный, крепостной художник князей Черкасских, затем графа П.Б. Шереметева, стал одним из первых русских живописцев по фарфору, «финифтяного дела мастером». Он служил, оставаясь крепостным, на Императорском фарфоровом заводе почти с момента основания завода в середине XVIII в. Его сыновья Андрей и Александр продолжили дело отца. Особенно ценились портретные миниатюры старшего сына Андрея Черного (умер не ранее 1780 г.). Их работы хранятся ныне в Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее и других музейных собраниях⁸⁸.

К числу талантливых русских мастеров относится и другой крепостной графов Шереметевых – Кондратий Михайлович Фунтусов. Фунтусовы были приписаны к Ворсминской вотчине⁸⁹. Фунтусов – автор нескольких икон середины XVIII в., писал декорации для постановок крепостного театра в Кускове. Ему, как и Аргуновым, давались поручения, связанные с покупкой, реставрацией и перевозкой из дворца во дворец произведений искусства. Работы Фунтусова имеются в нескольких музеях, в том числе в Останкине и Государственном Эрмитаже⁹⁰. Известен и другой представитель этого семейства, Иван Фунтусов, который по штатному расписанию 1803 г. служил скатертником и получал жалованье 67 руб., но вскоре отпущен на оброк, «по паспорту»⁹¹.

⁸⁵ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 934. Л. 4 об.

⁸⁶ Кондаков С.Н. Юбилейный справочник... С. 8.

⁸⁷ Преснова Н.Г. Аргуновы. Крепостные художники Шереметевых.

⁸⁸ Портретная миниатюра в России. XVIII–XIX вв. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 1988. С. 146–150.

⁸⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 961. Л. 8 об.

⁹⁰ Комелова Г., Побединская А. Русская церковная старина // Наше наследие. 1990. № 5. С. 5–13.

⁹¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 224. Реестр людям в Петербурге...

Крепостной художник Михаил Михайлович Зацепин происходил из большой семьи дворовых людей, приписанных к Михайловской вотчине. Он родился около 1786 г. в семье служителя, приставленного к конным заводам графов Шереметевых в Уславцеве, неподалеку от Вошажникова, затем завода в Серебряных прудах. Мальчик учился у Николая Аргунова и проявил талант как художник-миниатюрист и акварелист. В Петербурге работал с 1801 г.

Зацепин получил вольную по завещанию графа Николая Петровича, одновременно с братьями Николаем и Яковом Аргуновыми⁹². После смерти графа до утверждения духовного завещания и документального подтверждения освобождения отпущен на оброк и жил в селе Иваново Шуйского уезда, возможно, работал как миниатюрист. Совсем недалеко находилось село Палех, известное своей особенной иконописной традицией, близкой к миниатюрной технике. На сегодняшний день искусствоведы выявили около 30 его работ, в том числе миниатюры на слоновой кости, в ведущих музеях страны⁹³.

Черкасовы

Несколько поколений этой семьи служили графам Шереметевым. Сама их фамилия явно указывает на происхождение «из черкас», «из черкасских слобод» – они крепостные князей Черкасских и после брака графа П.Б. Шереметева с княжной В.А. Черкасской перешли в род Шереметевых.

Черкасовы служили при графе Петре Борисовиче. Имя служителей Антона Васильевича Черкасова и Ивана Черкасова, 24 лет, встречается в документах 1765 г. Матвей Николаевич Черкасов в 1763 г. упоминается как лакей⁹⁴, по штату 1768 г. занимал должность «свиса» с жалованьем 16 руб. в год, при нем состоял «мальчик» для поручений. Позже Матвей Черкасов служил конюшим с правами управителя. Лошади, охота, охотничьи собаки – любимейшее графское развлечение, поэтому умелые служащие «при охоте» очень ценились. В 1786 г. тот же Матвей Черкасов – конюший при конном заводе графов Шереметевых в селе Серебряные пруды в Веневском уезде Тульской губернии⁹⁵.

Черкасова высоко ценил и граф Николай Петрович. В 1792 г. он распорядился увеличить ему годовое содержание сразу на 105 руб. (по сравнению с 60 руб. для других управителей)⁹⁶. Когда Матвей Черкасов тяжело заболел, граф оплачивал его лечение. Известен указ от февраля 1797 г.: «Выдать из Канцелярии докторам, которые ездили в дом для лечения Матвея Черкасова и прочих по дому людей Роджерсу 200 руб. и Калкаловскому 300 руб....»⁹⁷

Матвей Черкасов умер 18 декабря 1796 г. в Петербурге, в возрасте 60 лет «от водяной», и похоронен на Волковом кладбище. В метрической книге Симеоновской церкви отмечено, что отпевал его «вознесенский иерей Борис Исаев»⁹⁸. Вдова его, Авдотья Черкасова, вместе со своей незамужней сестрой Марией продолжала жить при Фонтанном доме. Сестры значатся в исповедных ведомостях домово́й церкви, их часто приглашали стать крестными матерями при крещении детей служителей. По повелению графа Николая Петровича Авдотья Черкасова как пользующаяся безусловным доверием Николая Петровича в 1803 г. назначена «мамой»

⁹² Там же. Д. 934. Л. 4 об.

⁹³ Селинова Т.А. Ранние годы художника М.М. Зацепина // Памятники культуры. Новые открытия. 1993 год. М., 1994. С. 184–187.

⁹⁴ Отголоски XVIII века. Вып. X. С. 53, 55, 56.

⁹⁵ Край Серебряно-прудский в лицах и событиях. М., 2011. С. 27.

⁹⁶ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1522. Л. 5. Об увеличении содержания служителям... 1792 г.

⁹⁷ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 71.

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 120. Л. 621. М. к.

маленького графа Дмитрия с жалованьем 300 руб. в год⁹⁹. По завещанию графа Н.П. Шереметева ей полагалось выдать «в награждение» 30 тыс. руб.¹⁰⁰

Сын Матвея Михаил Черкасов по распоряжению графа Н.П. Шереметева в 1799 г. усилиями управителя Павла Аргунова был определен «для обучения» к содержателю пансиона швейцарцу Вириде, что стоило немалых денег, затем определен в Академию художеств, за его обучение из графской канцелярии платили по 200 руб. в год.

Имя Михаила Черкасова значится среди тех 38 служителей, которым по духовному завещанию графа Н.П. Шереметева после его смерти предоставлялась вольная, и он должен был «самостоятельно избрать себе род жизни». Однако процесс юридического оформления несколько затянулся: Правительствующий сенат только в 1815 г. утвердил к исполнению духовное завещание, что позволило наконец получить долгожданный документ на руки¹⁰¹. 11 мая 1813 г. служитель графа Шереметева Михаил Матвеев сын Черкасов венчался в приходской церкви с дочерью умершего московского 3-й гильдии купца Александра Рослова девицей Марией. Поручителями при венчании в метрической книге записаны по женихе – домоправитель Фонтанного дома Никита Александров, поверенный Борис Дубов, а по невесте – надворный советник Дмитрий Малимонов и придворный камердинерский помощник Николай Шапошников¹⁰². Невеста из купеческого звания и довольно высокий статус поручителей еще раз показывают привилегированное положение семьи Черкасовых.

В дальнейшем Михаил Черкасов, будучи уже вольным человеком, служил библиотекарем графа Дмитрия Николаевича. Современные исследователи называют его художником-миниатюристом, ему приписывают, в частности, миниатюрный портрет графини Прасковьи Ивановны по оригиналу Н.И. Аргунова¹⁰³. Известен его портрет кисти Ореста Адамовича Кипренского, исполненный в 1827 г. Художник Кипренский после возвращения из Италии был очень популярен в столичном обществе, имел множество заказов. Попечитель графа Дмитрия Николаевича генерал-майор Василий Сергеевич Шереметев заказал художнику парадный портрет молодого графа в мундире Кавалергардского полка, по случаю его полного совершеннолетия. В середине 1820-х гг. в связи с написанием этого портрета Кипренский получил согласие графа иметь свое «студио» в Фонтанном доме. В те же годы Кипренский написал также портреты В.С. Шереметева, нескольких офицеров Кавалергардского полка – друзей графа. Возможно, именно в Фонтанном доме художник писал по заказу А. Дельвига портрет А.С. Пушкина. Как раз в эти годы главноуправляющим графа Д.Н. Шереметева служил Александр Петрович Куницын, в недалеком прошлом профессор Царскосельского лицея, в котором учились Пушкин и Дельвиг. Возможно, Куницын и послужил своего рода «мостом», связавшим графа Шереметева, Кипренского, Дельвига, Пушкина.

⁹⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3 Д. 217. Л. 64.

¹⁰⁰ Там же. Д. 55. Л. 33.

¹⁰¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 934. Л. 1–6. Записка... об исполнении завещания... об освобождении от крепостной зависимости 38 служителей. 20 авг. 1815 г.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 172. Л. 144 об. М. к.

¹⁰³ Соловцова Е. Крепостной с золотыми медалями // Мир музея. 2017. № 10. С. 31–35.

М.М. Черкасов

В ряду написанных Кипренским портретов стоит и портрет Михаила Черкасова. Перед зрителем предстает сравнительно молодой человек с умным приятным лицом, доброжелательным взглядом, одетый по моде своего времени – и ничто не выдает в нем недавнего крепостного. Портрет упоминается в описях убранства Фонтанного дома при Шереметевых и в путеводителях по Музею быта 1920-х гг. Он висел на Парадной лестнице Фонтанного дома, а сейчас находится в собрании Государственной Третьяковской галереи.

М.М. Черкасов, 14-го класса чиновник, скончался 12 февраля 1837 г. 48 лет от роду и погребен на Волковом православном кладбище, рядом со своей матерью Авдотьей Никитичной, умершей в декабре 1833 г. в возрасте 73 лет¹⁰⁴.

На посту библиотекаря Михаила Черкасова сменил Иосиф Корсини, брат Иеронима Корсини, домового архитектора графа Д.Н. Шереметева.

Бизяевы

Семья дворовых Бизяевых была приписана к Павловской вотчине (село Павлово на Оке Горбатовского уезда Нижегородской губернии)¹⁰⁵. Подобно Черкасовым и Аргуновым, Бизяевы не в одном поколении состояли на графской службе на важных должностях и также отличались некоторыми художественными способностями.

При графе Петре Борисовиче Шереметеве служили три человека из этой семьи, вероятно, братья. Василий и Яков – лакеи, которые сопровождали графа в поездке по вотчинам в 1763 г., им полагалась «выдача» на свое содержание по 6 коп. на день¹⁰⁶. Яков Бизяев по штату 1768 г. – камердинер графа с жалованьем 12 руб. в год. Василий Бизяев, которому, согласно той же росписи, 28 лет, по штату 1768 г. повышен – исполнял обязанности тафельдекера с жалованьем 18 руб. в год¹⁰⁷.

Иван Бизяев служил подкамердинером при комнатах Якова Петровича Реметева с жалованьем 110 руб. 50 коп. в год¹⁰⁸. В 1811 г. он женился на дворовой девушке Агриппине Андреевой, поручителями при венчании записаны трое домоправителей – Алексей Жарков, Никита Александров и Алексей Глебов¹⁰⁹.

Служил при графах также Алексей Бизяев (по исповедной росписи 1765 г. ему 29 лет), впоследствии приказчик в Кускове. Его сын Петр Алексеевич стал архитектором, но учился он не в Академии художеств, а у своих старших коллег-крепостных. Петр работал в Останкине при строительстве дворца в подчинении архитектора Алексея Миронова. По «реестру служителям и дворовым людям» за 1797 г. он получал жалованье 10 руб. А в больничном листке по Останкину за 1796–1797 гг. он значится больным «французской болезнью». В начале XIX в. Петр Алексеевич Бизяев работал в Фонтанном доме под руководством Павла Аргунова, при строительстве Конторского флигеля на Литейной улице¹¹⁰. Там же, в Останкине, служил помощником архитектора Федор Бизяев. «Геодезии ученик» Никифор Бизяев составлял планы построек. Листы чертежей с их подписями хранятся в Останкинском дворце-музее. В 1803 г. по распоряжению графа отправлен «в вотчину» (возможно, в село Павлово). Тогда же, в 1803 г., отпущен «на свое пропитание» Василий Бизяев, бывший скрипач крепостного оркестра¹¹¹.

В третьем поколении рода Михаил Петрович Бизяев в апреле 1850 г. получил «за заслуги» вольную¹¹² и записался в царское сельское купечество в 3-й гильдии. Подобное явление – запись в купечество освобожденных из крепостной зависимости служителей – характерно для нескольких десятков шереметевских людей. Согласно городскому справочнику на 1867–1868 гг., он значится купцом 2-й гильдии и занимается маклерской деятельностью. М.П. Бизяев

¹⁰⁴ ПН. Т. 4. СПб., 1913. С. 466–468.

¹⁰⁵ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 961. Л. 25.

¹⁰⁶ Отголоски XVIII века. Вып. X. С. 22.

¹⁰⁷ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1509. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Л. 77 об.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 164. Л. 256. М. к.

¹¹⁰ Безсонов В.С. Крепостные архитекторы. С. 49.

¹¹¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 90, 91. Повеления... 1803 г.

¹¹² Там же. Оп. 3. Д. 1074. Об увольнении на свободу... Начато в 1858 г.

умер 15 марта 1893 г. и погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры¹¹³. Возможно, со временем найдутся подробные сведения об этих и о других членах семьи Бизяевых.

¹¹³ ПН. Т. 1. СПб., 1912. С. 216.

Смерть «Креза старшего»

Граф Петр Борисович Шереметев, покинув Петербург, прожил в Москве и своих подмосковных имениях 20 лет и скончался в Москве 30 ноября 1788 г. Его с большой торжественностью похоронили в Знаменской церкви Новоспасского монастыря. В московский период своей жизни он был «на виду». Московское дворянство избрало его своим губернским предводителем, он состоял членом Уложенной комиссии, которая по поручению Императрицы занималась систематизацией законов государства. Граф Шереметев вел широкий образ жизни, он много жертвовал на благотворительность, на нужды церкви.

Смерть его не прошла незамеченной. Как при жизни, так и после смерти он удостоился прямо противоположных отзывов своих современников. Газета «Московские ведомости» напечатала о его смерти короткую заметку, а в специальном «Прибавлении» к № 100 в декабре 1788 г. поместила пространный некролог. В нем подробно изложена его биография, названы чины, звания и ордена, которые имел граф П.Б. Шереметев. «...В 1768 году за слабостию своего здоровья всемилостивейше уволен вовсе от службы, которую имел счастье продолжать семи российским монархам с лишком сорок лет с отличною во всех должностях ревностию и с особенным от всех уважением... имел он удовольствие приобрести равным образом и отличную к себе доверенность всего почтенного дворянского корпуса, который... единодушно избрал его в губернские дворянские предводители. Лестное титуло для каждого благородномыслящего человека!.. Справедливость требует упомянуть здесь и об изящных душевных свойствах сего знаменитого родом мужа. Непокколебимая честность, правота души, постоянная твердость в принятых им единожды правилах справедливости и безкорыстия, являемая им во многих случаях щедрость...»¹¹⁴ Вместе с тем известна нелестная характеристика, данная ему историком и публицистом князем Михаилом Михайловичем Щербатовым, младшим современником графа Петра Борисовича Шереметева, в сочинении «О повреждении нравов в России» (1780-е гг.). В этом сочинении многие русские аристократы удостоились резкого отзыва князя, причем едва ли не самые неличеприятные строки посвящены Шереметевым. Он писал о сыне фельдмаршала: граф Петр Борисович «посредственный разумом, ленив, незнающ в делах, не носящий, а таскающий свое имя...» Причины столь резкого отзыва точно неизвестны. Возможно, сказались его разногласия с графом во время их работы над составлением «Уложения». Но, возможно, сказались свойства князя Щербатова с князьями Долгорукими и память о том, что княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, сестра графа Петра Борисовича Шереметева, якобы была «обижена» братом, сосредоточившим в своих руках наследство отца. Сын Натальи Борисовны, князь Михаил Иванович, очень почитал графа Петра Борисовича и пользовался его покровительством и материальной поддержкой, однако внук ее, князь Иван Михайлович Долгорукий, резко отрицательно относился к своему двоюродному деду. Он выплеснул это отношение на страницы своих сочинений. «...Скончался почти вдруг граф Петр Борисович Шереметев, богатый Лазарь древней столицы. Он готовился дать пир в самый этот день Андреевским кавалерам на позолоченном сервизе и вместо того обратился сам в злосмрадный кадавр. Казалось невероятным, что он умер, так привыкли все почитать его по богатству полу-богом. Он оставлял сыну своему знатнейшее имение в России; и мудрено ли, когда отец его, сей славный витязь, а потом и он без уважения к родству и к правам естественным обогащались чужими достояниями, никому ничего не выделяли... При всех царях, начиная с Анны, граф Шереметев был не только в милости, но даже и балован ими. Все ему сходило с рук... Все суды были им куплены, когда дерзал кто входить с ним в тяжбу. Но смерть никого не чтит. Пришла роковая минута, и очи московского Креза вечным сном смежились... Похороны графа Шере-

¹¹⁴ Отголоски XVIII века. Вып. VIII. С. 24–28.

метева были так великолепны, что Екатерина, узнав об них, запретила впредь столь пышные делать приготовления для погребения частного лица. Подлинно, его хоронили как царя...»¹¹⁵ Ему же принадлежат такие строки: «...граф Петр Борисович сделался наследником 60 тысяч душ не один, у него был брат, несколько сестер, в том числе моя бабка... и так граф Петр Борисович отнял все у безсильного и сделался могуч на чужих развалинах...» О графе Петре Борисовиче крайне неприязненно писал и князь Петр Владимирович Долгоруков в своих мемуарах, изданных в 1868 г. в Женеве. «Она (княгиня Долгорукова. – А. К.) олицетворение физической и моральной красоты, он (граф Петр Борисович. – А. К.) не походил на нее и был способен на всякие низости...»¹¹⁶ Едва ли эти строки можно считать объективными.

После смерти графа Петра Борисовича его сын и главный наследник получил более 200 тысяч душ, более 700 тысяч десятин земли в 17 губерниях России и годовой доход более миллиона рублей. С недоброй руки князя Долгорукого он удостоился прозвища «Крез меньшей».

¹¹⁵ Долгорукий И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 189–190.

¹¹⁶ Долгорукий И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004. С. 189–190.

Третий владелец Фонтанного дома граф Николай Петрович Шереметев

Граф Николай Петрович Шереметев (1751–1809) владел обширными родовыми вотчинами, в том числе и Фонтанным домом, с 1788 г. по момент своей смерти. Он родился в Фонтанном доме и крещен в домово́й церкви. Согласно традиции аристократических семей того времени, молодой человек получил домашнее воспитание, в младенчестве его окружал штат кормилиц, мамок и нянек. Их сменили учителя, ездившие на дом. По заведенному уже тогда в аристократических семьях обычаю среди них были французы, некие Вильнев¹¹⁷ и Везьян. Конечно, юноша знал иностранные языки, его учили игре на музыкальных инструментах, танцам, этикету. Глубина его познаний в науках нам неизвестна. Отец, следуя духу идей Просвещения, проповедуемых Екатериной II, в 1769 г. отправил сына в Европу для завершения образования. Граф Николай присоединился к уже находившемуся в Европе князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). Они были почти одногодками, равными по социальному и имущественному положению. На воспитание обоих юношей большое влияние оказал Никита Иванович Панин, через которого Шереметев и Куракин впоследствии будут приближены к великому князю Павлу Петровичу. Дружеские отношения двух вельмож, возникшие во время заграничного путешествия, продолжались многие годы, хотя их служебные пути оказались разными – Шереметев оставался в России, Куракин стал дипломатом и жил в разных странах Европы.

¹¹⁷ Повеление графа Н.П. Шереметева от 20 января 1793 г. гласило: «Выдать бывшему учителю Вильневу 500 рублей».

Граф Н.П. Шереметев

Молодой граф Шереметев провел в Европе четыре года, побывав в Нидерландах, Англии и дольше всего – во Франции, в Париже, где подробно знакомился с театральной жизнью. Многие из увиденного через некоторое время он повторит в своем крепостном театре. В заграничном путешествии графа Николая Петровича сопровождал его троюродный брат, Сергей Васильевич Шереметев (из нижегородской линии рода). Впоследствии именно он, чуть ли не единственный из родни, станет близким графу Николаю человеком. Кроме того, за графом

следовали несколько служителей. Пожалуй, неправильно будет называть их просто слугами – это образованные молодые и не очень молодые люди, хотя и не ровня аристократу по социальному статусу. Один из них – Василий Вороблевский, который позже стал помощником графа в театральных делах. Сопровождал графа Николая Петровича в заграничном путешествии также служитель Николай Бем, «из вольных», который с тех пор также стал ему близким человеком.

Через четыре года, в 1773 г., граф Николай Петрович Шереметев вернулся в Россию и жил некоторое время в Фонтанном доме. Отец его к тому времени уже переселился в Москву. С 1774 по 1777 г. в звании камергера граф Шереметев служил при малом Дворе великого князя Павла Петровича, наследника престола. Продолжалась его дружба с князьями Куракиными, причем князь Александр Борисович стал восприемником при крещении в 1779 г. младенца Александра, сына управителя Петра Александрова, а крестной матерью ребенка стала старшая сестра новорожденного Агриппина Александрова¹¹⁸. Вот такое духовное родство между князем из рода Гедимины и семьей крепостного случалось в эпоху просвещенного абсолютизма!

Екатерина II опасалась длительных близких отношений своего сына с его единомышленниками вроде Шереметева или Куракина, поэтому предпочла назначить князя Куракина в Сенат в Петербурге, а графа Шереметева отправить служить в московские департаменты Правительствующего сената.

¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 86. Л. 405. М. к.

Малиновские и граф Н.П. Шереметев

На протяжении всего московского периода жизни графу Николаю Петровичу содействовало замечательное семейство Малиновских¹¹⁹. Федор Авксентьевич Малиновский (1738–1811) окончил Славяно-греко-латинскую академию, рукоположен в священники, долгие годы служил настоятелем Благовещенского собора в Кремле и законоучителем в Московском университете. Именно он стал духовником графа Николая Петровича Шереметева. Три его сына оставили заметный след в русской истории, в том числе и в истории рода Шереметевых и в истории Фонтанного дома.

Алексей Федорович Малиновский (1762–1840), старший из сыновей о. Федора, окончил Московский университет. В течение многих лет состоял на государственной службе, занимал пост директора Московского архива Коллегии иностранных дел (впоследствии – Московский архив Министерства юстиции), в 1819 г. получил назначение в Сенат с производством в тайные советники. А.Ф. Малиновский – в свое время известный историк и археограф, автор ценных исторических трудов. Шереметевым тоже не чужд был интерес к истории: когда граф Петр Борисович решил в начале 1770-х гг. издать записки своего отца о путешествии в Италию и переписку фельдмаршала Шереметева с Петром I, он обратился за помощью к управляющему этим архивом историографу немецкого происхождения Генриху Фридриху (Федору Ивановичу) Миллеру.

Алексей Федорович Малиновский, помимо службы государственной, состоял на частной службе у графа Н.П. Шереметева – управлял Московской домовою канцелярией, разрабатывал проект устава Странноприимного дома, задуманного графом Николаем Петровичем, наблюдал за ходом его строительства, давал дельные советы во многих затруднительных случаях. Об этом свидетельствует, например, такой факт. Когда главноуправляющим имениями графа Николая Петровича согласился стать князь Федор Павлович Щербатов, граф в октябре 1803 г. писал московскому управителю Агапову: «Я по многим частям отношусь к Алексею Федоровичу Малиновскому... и во всем ему верю. Насчет исполнения приказаний князя Щербатова... спрашивать [тебе] разрешения у Малиновского...»¹²⁰

Его брат, Василий Федорович Малиновский (1765–1814), также окончил Московский университет и служил в Коллегии иностранных дел. Но более всего он известен как первый директор Царскосельского лицея.

Младший из братьев, Павел Федорович Малиновский (1766–1832), в молодые годы служил в армии, под началом Суворова участвовал в походах против турок, был при взятии крепости Очаков. О нем в своих Записках вспоминал декабрист барон А.Е. Розен, женатый на племяннице Павла Федоровича Анне Васильевне: Малиновский «красивою и приятною наружностью обратил на себя внимание императрицы Екатерины II и Потемкина. По гражданской службе производство его в чины шло так быстро, что он, имев с небольшим тридцать лет от роду, был уже в чине действительного статского советника и назначен директором государственного ассигнационного банка... Особенно благоволил к нему и питал неограниченную доверенность граф Н.П. Шереметев и в своем духовном завещании, взяв от него честное слово, назначил его, вместе с Донауровым, к малолетнему единственному сыну своему. По кончине завещателя Павел Федорович оставил государственную службу, вышел в отставку и посвятил себя юному питомцу, с которым жил неотлучно до его совершеннолетия в огромных палатах

¹¹⁹ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский // *Малиновский А. Ф. Историческое обозрение Москвы* / сост. Р.М. Долгова. М., 1992. С. 176–229, 256.

¹²⁰ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 169. Повеления (секретные).

на Фонтанке...»¹²¹ Именно Павел Федорович около десяти лет, долее всех братьев, оказался связан с Фонтанным домом. Он станет воспитателем сына графа Николая Петровича, о нем речь пойдет ниже.

¹²¹ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 103–104.

«Театральные люди»

И в Петербурге, и в Москве граф Николай Петрович жил на широкую ногу. Богатство и полученное им образование и воспитание позволили ему заняться меценатством. Главное дело, которому он служил – это его театр, созданный отцом, который он довел до совершенства. В труппе состояли певцы, актеры, балетные артисты, музыканты. Труппа театра была большая, хотя в разные периоды его существования, судя по сохранившимся документам, число артистов и музыкантов разнилось.

Владельцы заботились о пополнении театра прежде всего хорошими певцами. Приказы о наборе певчих встречаются в документах 1770, 1782, 1798 гг. Известно наставление графа Николая Петровича управителям: «...если заметятся... хороший бас или тенор из холостых, то... позволения на женитьбу не давать, пока в домовый канцелярии не опробуют и не спешутся со мной...» В конце 1780-х гг. в составе хоровой капеллы числилось более тридцати певчих-мужчин, существовала и женская группа хора. Они пели во время церковных служб, давали светские концерты, на которых исполнялись произведения Бортнянского, Березовского, Дегтярева, сочинения итальянских и французских авторов. Капелла была занята и в спектаклях театра.

Сподвижниками графа на театральном поприще стали несколько даровитых крепостных.

Василий Вороблевский

Свой театр граф Николай Петрович устраивал «на французский манер», поскольку видел и изучал постановку театрального дела во время своего пребывания в Париже. Из Франции стал получать новые пьесы, тексты которых переводил его служитель В.Г. Вороблевский.

Василий Григорьевич Вороблевский (1730–1797) принадлежал к влиятельному в среде крепостной администрации семейству. Вороблевские издавна состояли в числе доверенных служителей. Так, Николай Вороблевский в конце 1750-х гг. служил приказчиком в Борисовской вотчине, позже переведен приказчиком в Михайловскую вотчину¹²². В начале 1770-х гг. граф Шереметев послал его разбирать нешуточный конфликт, разгоревшийся между управителем Алексеевской вотчины Тимофеем Алабушевым и крестьянами во главе с их «атаманом»¹²³. Отец Василия Григорий Андреевич Вороблевский служил еще в конце 1720-х гг. управителем в Вошажникове, о чем пишет граф С.Д. Шереметев¹²⁴, затем московским управителем. Его сын Василий по желанию графа Петра Борисовича учился в Славяно-греко-латинской академии и благодаря хорошему образованию и старательности был приближен к графскому дому.

История его жизни хорошо иллюстрирует превратности судьбы крепостного человека. Василий Вороблевский находился в Петербурге, в Фонтанном доме, при графе Петре Борисовиче. В июне 1760 г. он вместе с управителем Василием Замятиным и служителем Иваном Уваровым значится поручителем при венчании служителя Михаила Дедешина с девицей Екатериной Ивановой¹²⁵. В этой записи он поименован библиотекарем графа Шереметева. В 1763 г.

Василий Вороблевский вместе с другими служителями сопровождал графа Петра Борисовича в его поездке по вотчинам. В Дневнике этого путешествия есть, например, запись от 1 сентября: «Выдано Василью Вороблевскому на покупку для стола Их Сиятельств припасов с 1

¹²² РГИА Ф. 1088. Оп. 6. Д. 659, 984.

¹²³ Там же. Д. 759. Л. 1 – 148. Дело слободы Алексеевки о приказчике Т. Алабушеве.

¹²⁴ Шереметев С.Д. Схимонахиня Нектария. СПб., 1909. С. 162.

¹²⁵ ЦГИА СПб Ф. 19. Оп. 111. Д. 48. Л. 355. М. к.

по 8 сентября по 5 р. в день, всего 35 р.», и таких же записей еще несколько¹²⁶. В исповедной росписи 1765 г. Вороблевский записан вслед за управителем Замятиным, ему тогда было 35 лет, при нем жена Доменика Семенова, 32 лет¹²⁷, дети не названы – видимо, Вороблевские были бездетны. В 1767 г. он стал крестным отцом дочери одного из служителей. По штату 1768 г. Вороблевский значился уже метрдотелем с жалованьем 25 руб. На его жену и приставленную к ним «работницу» из домового канцелярии платили еще 30 руб. При нем, как и при других важных служителях, значился мальчик для посылок¹²⁸. А в 1769 г. его отправили в заграничное путешествие вместе с молодым графом.

После возвращения из-за границы Вороблевский занимался переводами, сочинял стихи, составил «Краткое описание села Спасское Кусково тож, принадлежащего его сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву», изданное в Москве в 1787 г., а также «Описание путешествия в Берлин в 1776 году великого князя Павла Петровича», увидевшее свет в том же 1776 г. В этом путешествии великого князя сопровождал граф Николай Петрович, и Вороблевский снова состоял при нем. Вороблевский как крепостной служитель не мог заниматься только творческой работой. Он также заведовал «театральным гардеробом», обязан был следить за жизнью и бытом крепостных артистов. Перед отъездом в Петербург весной 1796 г. граф Николай Петрович распорядился: «Домовой моей канцелярии. По отъезде моем в Петербург препоручаю я Василию Вороблевскому разобрать по сортам предписания, данные как предками моими, так и от меня»¹²⁹, – фактически разбор вотчинного архива, составление каталога его обширной библиотеки. Среди документов шереметевского фонда в РГИА хранится составленная в 1789 г. опись медалей, жетонов и монет из кабинета графа П.Б. Шереметева, частью на русском, частью на французском языке¹³⁰. С 1789 г. Василию Григорьевичу платили такое же по размеру жалованье, как управителям, но он не был доволен. В июле 1796 г. граф отправляет такое повеление, которое ставит крепостного служителя «на место»: «Домовой моей канцелярии. Вороблевский пишет ко мне, что он положенным от меня окладом недоволен, жалуюсь на то, что выдача онаго производится ему не в свое время и не по прежнему... Почему и объявить ему, что я в удовольствие полагаю производить ему оклад тот, который получал он при покойном родителе моем, и при том подтвердить, чтобы он впредь письмами, наполненными вздором, меня не беспокоил»¹³¹.

¹²⁶ Отголоски XVIII века. Вып. X. С. 38.

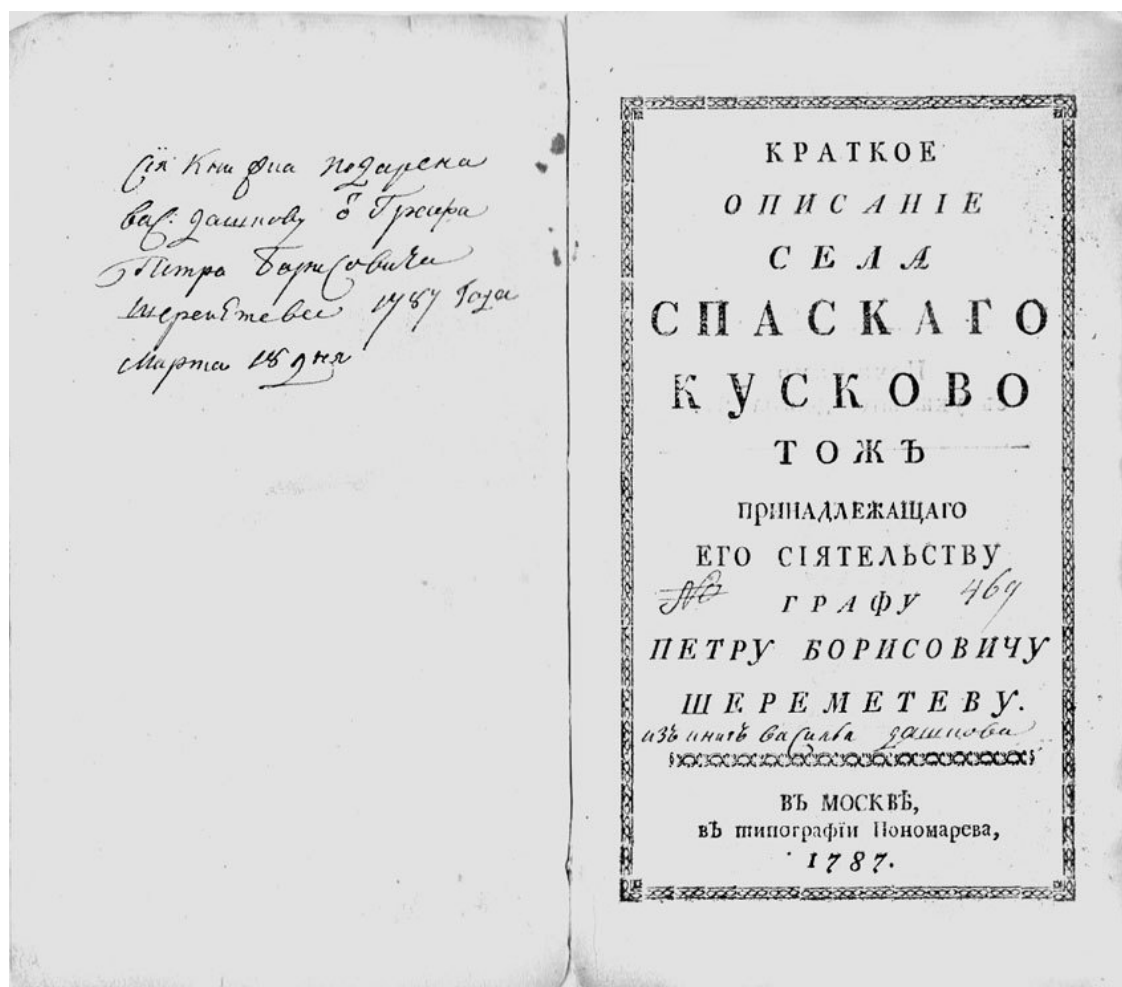
¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 185. Л. 286 об. И. в.

¹²⁸ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1509. Л. 1 об.

¹²⁹ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 32.

¹³⁰ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1298.

¹³¹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1298. Л. 38.

Обложка книги «Описание села Кускова». Сост. В. Вороблевский

В следующем году Вороблевский умер, скорее всего, в Москве. После смерти дворового человека Василия Вороблевского оказалось, что один московский купец должен ему большую сумму, жена его уже к тому времени умерла, и деньги были возвращены в контору графа. Еще при жизни Вороблевский высказывал желание, чтобы эти деньги были пожертвованы на строительство храма в селе Никольском, возможно, на его родине, и желание было исполнено, деньги пошли в пользу церкви одной из подмосковных вотчин¹³².

Сейчас В.Г. Вороблевского в литературе чаще всего упоминают как библиотекаря Шереметевых, но его вклад в историю русской культуры значительно шире. Василий Григорьевич Вороблевский оставил большое литературное наследие. В фондах Российской национальной библиотеки имеются 14 написанных им книг, а наиболее полно его труды представлены в Российской государственной библиотеке, где в электронном каталоге значатся 28 наименований его переводов и сочинений. Имя Вороблевского встречается в работах современных литературоведов и театроведов. В 1960 г. московский филолог А. Кузьмин защитил кандидатскую диссертацию о его творчестве¹³³.

Заметим, что среди дворовых людей Фонтанного дома в начале 1840-х гг. значился еще один служитель с этой фамилией – Иван Павлов сын Вороблевский, умерший в 1844 г. в возрасте 25 лет, но о его родстве с В.Г. Вороблевским сведений не обнаружено.

¹³² Там же. Оп. 9. Д. 281.

¹³³ Кузьмин А.И. Крепостной литератор В.Г. Вороблевский // XVIII век. Вып. 4. М.; Л., 1959.

Степан Дегтярев

Главным помощником графа Николая Петровича Шереметева «по музыкальной части» стал даровитый музыкант и композитор Степан Аникиевич Дегтярев (1766–1813), младший современник Василия Вороблевского. Семья Дегтяревых родом из слободы Борисовки. Аникей Дегтярев по меркам того времени считался среди односельчан зажиточным человеком, он владел наделом земли, имел на своем хуторе наемного работника – соседа. Трое его детей, Степанида, Степан и Евдоким, как проявившие еще в детстве некоторые дарования были отобраны для обучения в театральной школе в Кускове. Как правило, детей отрывали от родного дома, от родителей не в одиночку, а часто с братьями, сестрами, другими родственниками.

Степанида Дегтярева стала артисткой крепостной театральной труппы графа Петра Борисовича Шереметева, но в конце 1779 г. по неизвестной причине оставила труппу – возможно, по болезни, поскольку она умерла от туберкулеза. Евдоким Дегтярев стал певцом в хоре, а после завершения «певческой карьеры» в 1790-х гг. по поручению графа Николая Петровича проводил отбор новых певчих в Борисовке.

Самым известным из этой троицы стал Степан Аникиевич. Родился в 1766 г. в Борисовке, в Москву попал в возрасте семи лет, служил, как и брат Евдоким, певцом в шереметевском хоре. Учителями С.А. Дегтярева были служившие у графа итальянские музыканты Рутини и Сарти. Юноша с возрастом не утратил голос и служил уже солистом театра, исполнял заглавные партии в нескольких операх. Впоследствии Дегтярев, выросший в превосходного музыканта, стал капельмейстером и дирижером оркестра театра графа Н.П. Шереметева. Достоинства руководимого им хора оценивались настолько высоко, что хор считался соперником Придворной капеллы под руководством композитора Д. Бортнянского. В хоре графа Шереметева пело около 40 человек (в 1795 г. в нем было 13 басов, 8 теноров, 11 дискантов, 9 альтов). Он же отвечал за подготовку «молодых талантов». В Кусковской театральной школе в 1791 г. обучалось 30 детей. «...Степану Дегтяреву стараться маленьких девочек выучить русские песни, чтобы могли петь оныя песни под гуслими...» – предписывал ему граф Николай Петрович¹³⁴.

Дегтярев как своего рода музыкальный редактор вместе с Вороблевским отвечал за подбор репертуара, они приспособляли иностранные пьесы к условиям шереметевского театра. Жалованье С. Дегтярева составляло 177 руб. 70 коп. Ведущие музыканты крепостного оркестра Н. Калмыков и Г. Рыбаков получали 190 и 160 руб. соответственно.

Владея, так же как и Вороблевский, иностранными языками, Степан Дегтярев перевел на русский язык «Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыке» итальянца В. Манфредини, которые в течение нескольких десятилетий служили единственным пособием в русской музыкальной школе. Дегтярев и сам писал произведения для фортепьяно, оркестра и хора. Крупнейшим его сочинением стала оратория «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» на слова князя Н.Д. Горчакова для оркестра, солистов и хора. Впервые оратория исполнена в Москве 9 марта 1811 г. Так вышло, что это глубоко патриотическое произведение было создано накануне Отечественной войны 1812 г.

Дегтярев, как и Вороблевский, жил преимущественно в Москве. Согласно его опубликованной биографии¹³⁵, последние годы жизни он провел на частной службе у одного из помещиков в Курской губернии. В шереметевском архиве хранится документ, который относится к 1800 г. Управитель Дмитрий Петров писал в контору, что «Его Сиятельство изустно изво-

¹³⁴ Отголоски XVIII века. Вып. III. М., 1897. С. 24.

¹³⁵ Левашев Е.М. С.А. Дегтярев // История русской музыки. Т. 4. 1800–1825. М., 1886. С. 184–208 (сообщ. О.А. Великанова); Горький Ю. С. «России славу пел». Воронеж, 1987.

лил приказать певчему Степану Дехтереву производить прежнее жалованье 60 руб. в год и верховую дачу (максимальная выдача продуктами. – А. К.), также Гавриле Краснопольскому (подлекарю. – А. К.) производить верховую дачу, иметь стол им в скатертной»¹³⁶. А это означает, что Дегтярев находился тогда в Петербурге. В 1808 г. Степан Дегтярев значился среди пришедших к исповеди в домовый церкви Фонтанного дома. Можно предположить, что он хотел напомнить графу о его обещании дать вольную. Многим дворовым было известно, что граф Н.П. Шереметев после смерти жены Прасковьи Ивановны отпустил на волю некоторых своих людей, связанных с театром. Говорили, что есть список тех, кого он намерен еще отпустить, в их числе и Дегтярев. Тем временем 6 сентября 1808 г. Степан Аникиевич в приходской церкви Симеона и Анны обвенчался с крепостной девицей графа Шереметева Аграфеной Григорьевой¹³⁷, дочерью крепостного певца Григория Кохановского, близкого друга Дегтярева¹³⁸. Поручителями при венчании стали домоправители Фонтанного дома Никита Александров и Михаил Смирнов.

В РГИА в фонде Шереметевых хранится дело¹³⁹, проливающее свет на дальнейшую судьбу Дегтярева. Оказывается, что юридически вольная ему и его семье была дана, но оформлена значительно позже из-за длительной процедуры утверждения духовного завещания покойного Николая Петровича. После смерти графа Н.П. Шереметева люди, которые должны были быть освобождены, на некоторое время оказались в неопределенном положении. Вопрос об их освобождении тянулся долго, и только 4 августа 1815 г. они получили наконец вольную. Степан Аникиевич Дегтярев не дождался желанной свободы – он умер 23 апреля 1813 г. Свободу получила его жена, «крепостная дворовая женка Аграфена Григорьевна дочь, принадлежащая графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву» и ее трое малолетних детей – Осип, Дмитрий, Александр. Но, давая вольную вдове, опекуны молодого графа Дмитрия, распорядившиеся всем его состоянием, одновременно лишили ее пенсии и права жить в графском доме. На таких условиях ей, обремененной детьми, без средств к существованию, и свобода была не нужна. Она просила опеку уничтожить вольную и оставить семье пенсию. Но сыновья все же остались вольными людьми. О судьбе детей Степана Аникиевича известно мало. Старший его сын, Осип Дегтярев, учился в московской губернской гимназии, но обучение пришлось прервать из-за недостатка средств, поскольку после смерти матери младшие братья остались на его попечение. Он поступил на службу писцом в Московскую домовую канцелярию графа Шереметева. В 1826 г. он обратился к графу Дмитрию Николаевичу с прошением помочь ему продолжить учебу. В августе 1829 г. граф распорядился повысить ему жалованье «за заслуги его отца, композитора и регента Степана Дегтярева»¹⁴⁰. Других сведений о потомстве Степана Аникиевича пока не нашлось.

¹³⁶ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 289–290.

¹³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 150. Л. 154. М. к.

¹³⁸ Овчинникова И. Из-под рук взлетают птицы... – URL: www.belnovosti.ru. Обращение 8 авг. 2017 г.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1595.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1631.

Памятник крепостному композитору Степану Дегтяреву в Белгороде

Исследователь жизни и творчества замечательного крепостного музыканта, его земляк, белгородский музыковед Юлий Семенович Горяйнов убедительно показал, что Степан Аникиевич Дегтярев вписал яркую страницу в историю русской культуры конца XVIII – начала XIX в. На родине Дегтярева – в Борисовке, Курске и Белгороде – есть улицы, названные его именем. В Белгороде перед зданием музыкального колледжа имени Дегтярева в 1994 г. установлен бронзовый памятник музыканту работы скульптора А.С. Смелого.

Заметим также, что в Фонтанном доме служил еще один человек с такой фамилией: Корнилий Дегтярев, служитель графа Шереметева, 23 лет, значится в исповедной ведомости Симеоновской церкви на 1828 г.¹⁴¹

Иван Батов

Фамилия крепостных дворовых людей Батовых встречается в документах родового архива графов Шереметевых нечасто. Так, при графе Дмитрие Николаевиче в Михайловской вотчине служил приказчик Герасим Батов; один из Батовых, Михаил Ильин сын Батов, 64 лет, в тот же период значится приписанным к Юхотской вотчине¹⁴².

Крепостной человек графов Шереметевых Иван Андреевич Батов (ок. 1768–1839) известен тем, что он изготавливал превосходные по своим качествам музыкальные инструменты – скрипки, альты, виолончели, гитары. Созданные им инструменты дарились владельцу и другим важным особам, служили шереметевским музыкантам, шли на продажу. Редчайший случай

¹⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 818. Л. 491. И. в.

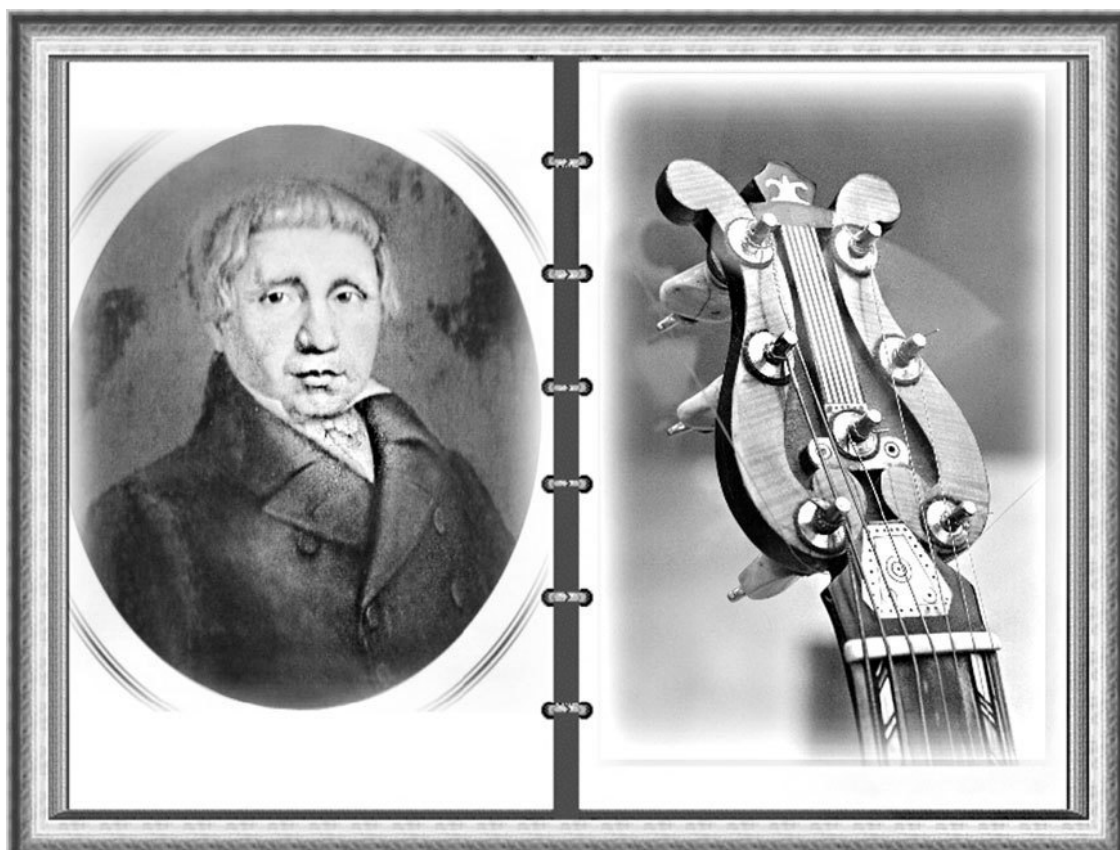
¹⁴² РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 961. Л. 26.

– имя человека из крепостных было известно современникам, о нем писали русские газеты того времени, оно вошло в первые отечественные энциклопедии¹⁴³. Ныне инструменты работы Батова – большая редкость, они хранятся в коллекциях Государственного Эрмитажа, Музея театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге и дворца-музея Останкино.

Иван Батов родился около 1768 г., но неизвестно точно, в какой из графских вотчин. В специальной литературе о нем утверждается, что он родом из подмосковных вотчин. Личностью этого даровитого человека интересовался и граф С.Д. Шереметев. В феврале 1915 г. он писал в Москву своему двоюродному брату Борису Борисовичу Шереметеву: «Посылаю тебе сведения о виолончелисте Батове, которые и тебе могут быть интересны, так как у дяди (Бориса Сергеевича Шереметева, родного брата графини Анны Сергеевны Шереметевой. – А. К.) была его виолончель. Не знаешь ли, когда она была отдана на поправку и кому? Эта личность весьма интересная. Теперь ищем, из какого он села и губернии...»¹⁴⁴ К письму прилагалась справка о Батове следующего содержания: «Батов Иван Андреевич – крепостной человек графа Н.П. Шереметева. Родился в 1767 году, умер в 1839. Учился в Москве у инструментального мастера Владимирова. Переехал в СПб на жительство и изучил фортепьянное мастерство. Батов, с позволения графа Шереметева, имел массу заказов. Его заказчиком был и русский знаменитый скрипач Хандошкин. Батовым была сделана чудной работы и звука скрипка, которая и была им поднесена императору Александру I. Батов прекрасно делал и виолончели. Знаменитый виолончелист Бернгард Ромбер пришел в восторг от одной из них. Впоследствии Батов поднес этот инструмент (виолончель) графу Д.Н. Шереметеву, который за нее дал ему вольную со всем его семейством. В течение своей жизни Батов сделал 41 скрипку, 3 альты, и 6 виолончелей. Его скрипки есть в музее придворного оркестра. Энциклопедия смычковых инструментов Михельсона, где упоминается о Батове. Михаил Иванович Носков, инструментальный мастер, имеющий гравюру и портрет масляными красками Батова. Адрес Носкова: Петроград, Средняя Подъяческая, 10. Анатолий Иванович Леман. Книга о скрипке».

¹⁴³ См., например: *Толль Ф.Г.* Настольный словарь для справок. Т. 1. 1863.

¹⁴⁴ Это письмо хранилось в семейном архиве Ольги Борисовны Бредихиной (Москва), дочери Бориса Борисовича Шереметева, копия письма подарена ею автору книги в 1992 г.

И.П. Батов

Сохранившиеся документы позволяют уточнить некоторые обстоятельства жизни этого замечательного крепостного таланта. Безусловно, он выучился на мастера в Москве, и первая половина его жизни прошла именно там. 13 ноября 1802 г. князь Федор Сергеевич Щербатов, который возглавлял Московскую домовую контору, писал графу Николаю Петровичу в Петербург: «Известный инструментальный мастер Батов мною призван был в канцелярию для объяснения ему, что по его желанию в дом приказали взять его. Сие определение его расстроило, жалеет о своем поступке и просит о прежнем отпуске, представляя, что будет он задолжен хозяину, что ему сие заработать надобно; сей пример сдержит многих от пустого глаголенья»¹⁴⁵.

Из этого письма ясно, что Батов работал «от себя», уплачивая барину определенный оброк. Возможно, он и выражал желание быть при графе Николае Петровиче, когда тот переехал на жительство в Петербург, надеясь, что в столице он может иметь больше заказчиков. Но вместе с тем он боялся, что его сравняют со многими другими дворовыми и вместо относительной свободы он получит полную несвободу.

Однако Батов все же должен был переехать в Петербург. Точно неизвестно, жил ли он со своим семейством в Фонтанном доме, но в приходе Симеоновской церкви жил точно. Документальных свидетельств о поднесении им скрипки императору Александру I пока не найдено, но о виолончели его работы, подаренной графу Николаю Петровичу, сохранились некоторые сведения, хотя судьба этого инструмента, хранившегося в Фонтанном доме, пока не выяснена.

Иван Батов получил вольную вместе с женой Екатериной Ефимовой, сыновьями Гаврилой и Павлом и двумя дочерьми, одну из которых звали Анной, в конце 1827 г.¹⁴⁶ Документ засвидетельствован в Санкт-Петербургской палате гражданского суда 30 ноября 1827 г.

¹⁴⁵ Столетние отголоски. 1802 год. С. 100.

¹⁴⁶ РГИА Ф. 497 (Дирекция Императорских театров). Оп. 1. Д. 3646. Л. 3. О службе Гаврилы Батова.

Была ли это благодарность барина или Батов выкупился на волю – неизвестно, но скорее второе. Практика выкупа «капиталистских» крепостных была широко распространена и при графе Петре Борисовиче, и при его сыне и внуке. После получения вольной Батов записался в ремесленники, в инструментальный (клавикордный) цех, получив статус «вечно» мастера.

Летом 1829 г. в Петербурге проходила первая мануфактурная выставка отечественных изделий. По ее закрытии устроители вручали золотые и серебряные медали за выдающиеся достижения и представленные экспонаты. Большую серебряную медаль (среди 38 награжденных) получил мастер Батов «за отличные скрипки и виолончель его работы»¹⁴⁷.

На выставке 1833 г., проходившей в Дерпте, его скрипки и виолончели также отметили¹⁴⁸. Батов не только создавал инструменты, но и «поправлял» (реставрировал) их. Из мемуарных свидетельств известно, что его знали и высоко ценили не только российские профессиональные музыканты и любители, но и европейские.

Когда его сын поступал на службу в Театральную дирекцию, ему надо было представить документ о сословной принадлежности отца. Сын предъявил билет из Ремесленной управы Санкт-Петербурга, выданный 4 января 1839 г. вечно инструментального цеха мастеру Ивану Андрееву Батову, сроком на год. По правилам того времени, в документе указаны приметы владельца документа: «...ростом два аршина пять вершков, лицом бел, глаза серые, нос прям, от роду 71 год, женат первым браком».

Батов и члены его семьи не названы среди тех, кто приходил к исповеди в домовую церковь Фонтанного дома. Однако его дом находился в приходе церкви Симеона и Анны. Запись в метрической книге церкви Симеона и Анны на Моховой улице гласит: «18 июля 1841 г. умер, 20-го похоронен санкт-петербургского вечно инструментального цеха мастер Иван Андреев Батов, 73 лет, от старости, погребение на кладбище на Большой Охте (Георгиевском Большеохтинском кладбище)»¹⁴⁹.

Сыновья Батова выучились игре на музыкальных инструментах, что потом дало им возможность зарабатывать себе на жизнь.

Старший сын, Гаврила Иванович Батов, сразу после получения вольной смог поступить на службу в Театральную дирекцию¹⁵⁰. Срок его службы считался с 17 декабря 1827 г., он значился музыкантом 2-го разряда. После 20 лет службы получил пенсию в размере 400 руб. серебром в год, но по его прошению оставлен на службе в оркестре до 13 февраля 1855 г., когда его уволили в связи с сокращением оркестра. 16 декабря он получил аттестат из Дирекции, который служил ему как главный документ (оригинал есть в деле о службе Гаврилы Батова). «...Обязанность свою исполнял при хорошем поведении с примерным усердием; лет ему 49, женат первым браком на санкт-петербургской мещанской девице Федосье Ивановой Кононовой, детей не имеет...»¹⁵¹ Отметка о венчании 6 февраля 1851 г. есть на подлинном аттестате. Там же приписка о его смерти: Гаврила Батов умер 15 октября 1863 г. и погребен на Георгиевском Большеохтинском кладбище. Отпевали его в церкви Симеона и Анны на Моховой улице. Вдова после смерти получала часть его пенсии, при оформлении указан ее адрес: Караванная улица, дом Куприянова¹⁵².

Младший сын, Павел Иванович Батов, также поступил на службу в Театральную дирекцию¹⁵³. В сословном свидетельстве отца дано такое описание внешности Павла: «Росту 2 аршина 6 с половиной вершков, лицом бел, глаза серые, от роду 25 лет, холост».

¹⁴⁷ Северная пчела. 1829. № 85.

¹⁴⁸ Там же. 1833. № 114. С. 455.

¹⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 324. Л. 602 об.–603. М. к.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 3646. О службе Гаврилы Батова. 1828–1863 гг.

¹⁵¹ Там же. Л. 20–21 об.

¹⁵² РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 3646. О службе Гаврилы Батова. 1828–1863 г. Л. 22 об.

¹⁵³ Там же. Д. 8105. О службе Павла Батова. 1839–1878 гг.

Как следует из аттестата, выданного Павлу из Театральной дирекции по окончании службы, принят на службу 7 августа 1839 г. После 20 лет службы Батов получил пенсион 360 руб. серебром в год, равный его жалованью в оркестре, уволен 14 августа 1859 г. «по болезненному состоянию». В аттестате сказано, что он «обязанность свою исполнял при хорошем поведении с усердием», от роду 45 лет, холост¹⁵⁴. На подлиннике аттестата приписки: о венчании 7 октября 1862 г. в Никольском Морском соборе с вдовой Анной Луизой Калькрейтер, приписанной к городу Гольдингену. Умер 30 июля 1878 г. в Александровской больнице «от органического страдания заслонок сердца». На подлинном аттестате имеются также многочисленные полицейские отметки о прописке за разные годы, почти все нечитаемые, но читается адрес на 1876 г.: «Екатерингофский проспект, дом 4/51, квартира 106».

Таким образом, по прямой мужской линии род замечательного мастера не продолжился, но его инструменты хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже, в музее усадьбы Останкино, в Музее театрального и музыкального искусства. Некоторые из них прозвучали в 2018 г. в Фонтанном доме на специально организованных концертах, приуроченных к 250-летию большого русского мастера, прославившего не только свое имя, но и русскую инструментальную школу.

Крепостные артисты

С 1789 г., когда театр полностью перешел в руки графа Николая Петровича, его штат вырос и граф стал обращать особое внимание на совершенствование своих артистов. Крепостная труппа имела в своем составе 10 актрис и двух учениц, 10 актеров, 18 танцовщиц и четверых учениц, 19 танцовщиков, регента концертмейстера, гуслиста, 35 певчих, 49 музыкантов, 4 художников-декораторов. Кроме этого, были рабочие сцены, портные, парикмахеры и др. Всего, включая «надзирающих» за артистами, – 179 человек дворовых¹⁵⁵.

В книге исследовательницы истории шереметевского крепостного театра Н.А. Елизаровой¹⁵⁶ приведены списки певчих, актеров и актрис. Многие из них происходили из подмосковных вотчин или из Борисовской вотчины. Судьба этих талантливых людей, бывших вместе с тем крепостными рабами, драматична, а иногда и трагична.

Материально-бытовые условия шереметевской труппы были лучше по сравнению с другими крепостными труппами, особенно в сравнении с другими крепостными служителями. Но это была жизнь в позолоченной клетке, они лишались личной свободы, жили изолированно, под строгим присмотром надзирателей. Их труд состоял не только из представлений, часто в присутствии высокопоставленных гостей, одаривавших наиболее понравившихся актрис и актеров, но и из постоянной учебы, совершенствования. Итальянскому и французскому языку их обучал «итальянский учитель» Торелли, музыкантов учил Феер, танцовщики и танцовщицы проходили подготовку у Е. Санемони и у И. Казелли. Несколько лет учителем танцев был Джанфанелли, уволенный в 1795 г.¹⁵⁷ Танцовщицы Татьяна Шлыкова и Елена Казакова брали уроки у знаменитого французского балетмейстера Шарля Ле Пика. Танцор Гаврила Шлыков учился у танцовщика императорской сцены Волкова. В 1791 г. граф отправил группу своих артистов в Петербург для обучения у придворных актеров Ивана Дмитриевского, Силы и Елизаветы Сандуновых.

В театре нередко служили юноши и девушки из одной семьи. Еще при графе Петре Борисовиче в труппе состояла Мария Черкасова, происходившая из семьи управителя. Братом и

¹⁵⁴ Там же. Л. 19–20.

¹⁵⁵ Станюкович В.К. Домашний крепостной театр... С. 28–29.

¹⁵⁶ Елизарова Н.А. Театры Шереметевых. М., 1944.

¹⁵⁷ Отголоски XVIII века. Вып. III. С. 24, 27.

сестрой были артистка Ирина Калмыкова и музыкант Петр Калмыков, возможно, Прасковья Калмыкова тоже из их семьи. В начале 1780-х гг. первой артисткой труппы считалась Анна Буянова, дочь дворового человека Шереметевых. В труппе состояли Степанида Дегтярева, сестра регента хора и композитора Степана Дегтярева, сестры Афимья и Татьяна Шлыковы, Анна Якимова, Степанида Мукосина, сестры Прасковья и Матрена Ковалевы, сестры Елена и Авдотья Казаковы и другие. Сестры на сцене нередко выступали под одним псевдонимом. Еще в 1796 г. по приказу барина его артисты получили сценические псевдонимы, повелено было называть их именами драгоценных камней: «Девушка Прасковья Ковалева, она же Жемчугова, Анна Буянова, она же Изумрудова, Арина Калмыкова, она же Яхонтова, Матрена Ковалева, она же Жемчугова, Фекла Урузова, она же Бирюзова, Марфа Урузова, она же Бирюзова, Татьяна Шлыкова, она же Гранатова, Авдотья Кочедыкова, она же Амагистова, Ирина Снегова, она же Хрусталева, Кузьма Деулин, он же Сердоликов, Николай Серов, он же Мраморов, Иван Васцын, он же Надеждин, Роман Пешников, он же Корольков, Андрей Жуков, он же Кремнев. Таким образом и впредь писать настоящим именем»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Станюкевич В.К. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л., 1927. С. 74–75.

И.П. Аргунов. Портрет неизвестной актрисы

Граф Шереметев не жалел средств не только на профессиональных педагогов, но и на сценические костюмы своих артистов. Увеличение средств, отпускаемых «на платье» той или иной девице, было наградой и показателем ее успехов на сцене.

Отношение к артистам со стороны графа Николая Петровича с годами менялось. В молодые годы, как гласит предание, он навещал кого-либо из артисток и оставлял в ее комнате платок. Подразумевалось, что девушка должна была явиться и отдать ему в руки оставленную вещь или он сам приходил за оставленным платком, – дальнейшее понятно. В зрелые годы он старался заботиться о своих артистах. Известны, например, такие его распоряжения из Петербурга в Останкино: «По просьбе находящейся здесь танцовщицы Алены Казаковой,

живущую ныне по родству в Останкине в доме отца ея, из дому князя Голицына вдову, а ея родную сестру с детьми из Останкина не высылать, а позволить ей иметь жительство в том доме отца ея»¹⁵⁹. Имелась в виду сестра Елены Казаковой, которая вышла замуж за крепостного человека князя Голицына, овдовела и желала жить в доме своего отца в Останкине. В январе 1800 г. граф отдает такое распоряжение: «Домовой моей канцелярии. Дворовых людей, находящихся в с. Останкове Семена Казакова и в Москве Харитона Уразова, по просьбе детей их, на жительство в малороссийские вотчины не посылать, а оставить по-прежнему при тех же местах, кто где из них находится»¹⁶⁰.

Первоначально спектакли давались в Кускове. В самом конце XVIII в. граф Николай Петрович построил в подмосковном имении Останкино великолепный дворец, в котором главным помещением стал театральный зал. Первый спектакль там показали в 1795 г. Всего на сценах театра, как подсчитали историки, состоялось 116 постановок. В конце XVIII столетия – это лучший крепостной театр, который успешно соперничал с императорскими театральными труппами.

Траты на крепостной театр были очень значительны. Судя по документам родового архива, в 1799 г. жалованье актерам платилось от 10 до 60 руб. в год (60 руб. получали камердинер и управитель). Прасковья Жемчугова получала 80 руб. На жалованье и платье певчим тратилось 3400 руб.; оркестр из 37 музыкантов обходился в 5000 руб. Содержание всех актрис и танцовщиц стоило в год от 53 до 131 тыс. руб. Граф Николай Петрович оплачивал закупку в Париже необходимой для актеров косметики – помады, пудры, гребней, а также страусовых перьев, табака и чулок, не говоря о затратах на декорации и костюмы¹⁶¹.

Имя самой известной артистки шереметевского крепостного театра широко известно: Прасковья Ковалева, дочь крепостного человека Ивана Ковалева, приписанного к Вожажниковской вотчине в Ярославской губернии¹⁶². Он служил кузнецом (ковалем) – отсюда произошло его фамильное прозвание. Прасковья родилась 20 июля 1768 г. на «графшине» – так называли обширные имения графов Шереметевых в Юхотской волости Угличской округи Ярославской губернии, в 1706 г. пожалованных фельдмаршалу Шереметеву. Краеведы до сих пор спорят, в какой именно деревне появилась на свет девочка с такой судьбой, о которой уже двести лет не утихает молва. В семье росли шестеро детей, кроме Прасковьи, – братья Афанасий, Николай, Михаил, Иван и сестра Матрена.

Девочку забрали от родителей «к графскому верху» в кусковский дом и поручили ее воспитание княгине Марфе Михайловне Долгорукой, племяннице графа Петра Борисовича, которая жила в его семье. Прасковья была миловидна, хорошо двигалась и обладала абсолютным музыкальным слухом и замечательными вокальными данными. Она выучила французский и итальянский языки, освоила игру на арфе, клавесине и гитаре. Позже по желанию графа Николая Петровича девушка брала уроки сценического мастерства у знаменитой певицы придворных театров Елизаветы Семеновны Сандуновой и у прославленной московской драматической артистки Марии Степановны Синявской.

22 июня 1779 г., 11 лет от роду, Прасковья Ковалева дебютировала на сцене в комической опере Гретри «Опыт дружбы». 5 ноября 1780 г. в доме графа Петра Борисовича в Москве 12-летняя певица исполнила заглавную партию Белинды в комической опере «Колония, или Новое селение». Пик театральной карьеры Прасковьи Ковалевой пришелся на тот

¹⁵⁹ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 219.

¹⁶⁰ Там же. С. 279–280.

¹⁶¹ Станюкович В.К. Домашний крепостной театр... С. 29, 47–48.

¹⁶² О Прасковье Ковалевой существует большая литература. Многие из книг базируются на очерке П. Бессонова «Прасковья Ивановна графиня Шереметева. Ея народная песня и родное ея Кусково», опубликованном в 1872 г. Последнее по времени исследование, основанное на архивном материале, принадлежит перу американского историка Д. Смита – «The Pearl» (опубликовано в 2008 г., в русском переводе – «Жемчужина»).

период, когда театром занимался граф Николай Петрович. Всего в репертуаре певицы Прасковьи Жемчуговой, обладательницы великолепного драматического сопрано, было около 50 оперных партий.

Прасковья Жемчугова (Ковалева) в роли Элианы

Знаменитый портрет Жемчуговой как раз и запечатлел ее в самой известной роли – Элианы в опере «Браки самнитян» композитора А.-Э. Гретри. Портрет до наших дней украшает Останкинский дворец-музей. На представлении этой оперы летом 1787 г. в Кускове присутствовала Императрица. Газета «Московские ведомости» сообщала, что «игра первой и прочих актрис и актеров столь Ее Величеству понравилась, что изволила представить их пред себя и пожаловала к руке. Актеры получили награду деньгами, а Прасковье Жемчуговой пожалован бриллиантовый перстень». В мае 1797 г. этот спектакль давали в Останкине во время визита

польского короля Станислава-Августа Понятовского. В годы расцвета театра Прасковья Ковалева – безусловная «прима», но одновременно и фаворитка своего барина, «барская барыня», как в то время называли невенчанных жен.

Возвращение графа Николая Петровича в Петербург

В марте 1796 г. граф Николай Петрович Шереметев по воле императрицы Екатерины II покинул Москву и продолжил службу уже в Петербурге. Екатерина II пожаловала его орденом Александра Невского, а в день ее смерти и воцарения Павла I он был назначен обер-гофмаршалом Двора. В связи с высоким придворным положением граф Николай Петрович должен был привести свой петербургский дом в должный порядок, причем делать это не мешкая. Для создания новой отделки парадных покоев граф Шереметев пригласил известного архитектора Ивана Егоровича Старова, который жил неподалеку, его дом находился против приходской церкви Симеона и Анны. Старов заменил старую деревянную парадную лестницу на каменную и отделал несколько интерьеров «в новом вкусе».

На рубеже XVIII–XIX вв. в Фонтанном доме работал зодчий Джакомо Кваренги, спроектировавший в Петербурге многие здания, в том числе и соседнее с Фонтанным домом здание Екатерининского института Общества благородных девиц. Кваренги работал по заказу графа Николая Петровича не только в столице, он проектировал также церковь в Странноприимном доме в Москве.

Именитые зодчие, как правило, создавали проекты, а после их одобрения графом работы вели крепостные «архитекторские помощники», при Кваренги больше всего работал Павел Аргунов. Кваренги заново отделал еще ряд парадных интерьеров второго этажа, а с южной стороны по его проекту к дому пристроили Галерею, которая должна была стать главным парадным помещением в доме. Среди документов родового архива сохранилось распоряжение графа Николая Петровича от 19 августа 1802 г.: «Собственной моей канцелярии. Каменному мастеру итальянцу Висконсию за сделанную к главному корпусу каменную пристройку, именуемую галерею с кабинетом, в число договоренной суммы 18000 руб. выдать 4000»¹⁶³. Обновили в начале XIX в. также и домовую церковь.

В связи с переездом из Москвы в Петербург граф Н.П. Шереметев должен был распустить свой крепостной театр. Сделал он это не сразу. Он приехал в столицу весной 1796 г., когда правила еще Екатерина II. Его распоряжения весны и лета говорят о том, что граф намеревался дать «праздник», велел присылать ему ноты, театральные костюмы, недостающих музыкантов и т. д. Тех детей, которые обучались в Кусковской школе, он оставил на попечение московского управителя Ивана Аргунова: «По отъезде моем препоручаю тебе в смотрение детей, за которыми иметь бдительное наблюдение, чтобы сторонников и родственников служащих при них детей, также по знакомству – не допускать. 7 марта 1796 г.»¹⁶⁴ Обязанности графа Н.П. Шереметева при Дворе Павла I оказались столь хлопотными и обременительными, что продолжать заниматься театром стало невозможно. Надо было определить дальнейшую судьбу артистов – будучи крепостными, они не могли сами решать, что им делать.

В октябре 1797 г. он беспокоится о своих артистах и приказывает: «Танцовщики и танцовщицы часто бывают больны... Посмотреть, не дурно ли живут теснотой, и перевести в хорошие покои; также посмотреть пищу: коли она мала и дурна, дай мне знать... Танцевать учить только три раза в неделю, а не более, потому что без нужды мучить не нужно...»¹⁶⁵ В апреле 1798 г. он распоряжается судьбами певчих: «Певчих, находящихся в Москве... употреблять в канцелярии к письменным делам, выключив праздничные и прочие высокотожественные дни, в которые ходить им для пения в Мироносицкую церковь, а по временам заставляя и

¹⁶³ Столетние отголоски. 1802 год. С. 28.

¹⁶⁴ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 32.

¹⁶⁵ Там же. С. 112.

продерживать нотное пение...»¹⁶⁶ Двоих певчих, Федора Божкова и Алексея Горбачева, он приказывает отправить в Петербург.

В столице с момента его переезда из Москвы находились Прасковья и Матрена Жемчужовы (Ковалевы), Анна Буянова (Изумрудова), Арина Яхонтова, Татьяна Гранатова (Шлыкова) и Авдотья Беляева¹⁶⁷. К марту 1799 г. в Петербурге при графе состояли 8 актрис и 6 танцовщиц¹⁶⁸. 24 апреля 1799 г. он отдает такое распоряжение: «Реестр актрисам, актерам, танцовщикам, танцовщицам, которых впредь в списках не писать, при какой должности, а просто служащими при мне наверху»¹⁶⁹. 30 декабря 1798 г. граф Николай Петрович приказывал: «Собственной моей канцелярии. Из находящихся в Кусковской школе учеников Степана Балагаева и с ним танцовщика Бориса Шкурнина послать в Петербург для определения к письменным делам»¹⁷⁰.

В январе 1800 г. граф отправил в Останкино распоряжение, по которому в труппе оставили 14 балетных актеров. «...Остающихся... танцовщиков... выбрав некоторых из них годных, сделав также рассмотрение, где и как им оставаться, представив об оном мне на рассмотрение... Девушкам, занимавшим... места актрис и танцовщиц, даю я дозволение приискать себе женихов, коим в награждение и назначаю каждой суммы в приданое... всех тех девушек, что значатся в... списке, отправить (из Останкина. – А. К.) в Москву, кроме Анны Буяновой и Матрены Ковалевой, коим позволяю я остаться... для приискания себе пристойных партий...»¹⁷¹ «За штатом» оказалось 10 танцовщиков: Василий Воробьев и Алексей Головцов остались в Петербурге, Петр Губанов и Михаил Чухнов переведены в подьячие (в писари в Контору), Яков Тихомиров – в лакеи, Алексей Гаврилов – в обучение к портному, Степан Черняхин – в садовые ученики, Филипп Чумаков отправлен к отцу¹⁷². В августе 1800 г. граф приказывал: «Собственной моей канцелярии. Музыканта Василия Дорошенкова за худое его поведение отдать не мешкая в солдаты. Если же не годен в солдаты, то отдать на попечение нимало не медля, и прописать в дальний гарнизон, исполнить не трусая... [И приписка:] Оставить до рассмотрения»¹⁷³. Музыкант Осип Головцов в январе 1803 г. по приказанию графа определен «мундшенковским помощником при буфете»¹⁷⁴, а позже его за пьянство сослали в дальние вотчины. Талантливый танцовщик Василий Воробьев, который стал страдать запоями, по приказу графа от 22 июня 1801 г. посылался «для излечения болезни... к старухе, у которой лечился повар Сафрон Жуков...»¹⁷⁵. «Отписка» о выполнении гласила: «Воробьев к старухе отъезден июня 24... а старухе за вылечение его заплачено денег 50 р.»

Можно представить себе, что означало для артистов уничтожение театра – это резкая перемена статуса и образа жизни, которую они переживали очень остро. Обученные дворовые люди, особенно артисты, привыкшие к относительно свободной и «красивой» жизни, были вырваны из своей прежней среды, и их насильно возвращали в среду крепостных служителей.

Актрисам граф Шереметев повелел выдать приданого от 50 до 5 тыс. руб. Вскоре состоялось несколько свадеб. 12 мая 1800 г. граф отдал приказ: «Собственной моей канцелярии. Музыканту Петру Калмыкову позволяю на девушке Матрене Ковалевой жениться»¹⁷⁶. 13 мая

¹⁶⁶ Там же. С. 141.

¹⁶⁷ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 115–116.

¹⁶⁸ Там же. С. 237–238.

¹⁶⁹ Станюкович В.К. Домашний крепостной театр... С. 71–72.

¹⁷⁰ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 217.

¹⁷¹ Станюкович В.К. Домашний крепостной театр... С. 46–50.

¹⁷² Станюкович В.К. Домашний крепостной театр... С. 48.

¹⁷³ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 297.

¹⁷⁴ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 7.

¹⁷⁵ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 46–47.

¹⁷⁶ Там же. С. 290.

молодых венчали в церкви Симеона и Анны¹⁷⁷. Свадьба, судя по статусу поручителей по жениху и невесте, была пышная: поручителей в метрической книге записано пятеро – правитель домово́й канцелярии надворный советник Дмитрий Малимонов, титулярный советник Александр Гаврилов, домоправители Никита Александров, Павел Петров и Никита Сворочаев. Матрене Калмыковой граф увеличил размер единовременной выплаты к свадьбе – вместо 500 руб. она получила 1000 руб.¹⁷⁸ 29 марта 1801 г. родился их сын Николай, крестными родителями младенца стали Яков Петрович Реметев и девица Прасковья Ивановна, родная тетка мальчика. В июне 1801 г. Матрена умерла от чахотки в возрасте 27 лет, ее похоронили на Георгиевском Большеохтинском кладбище¹⁷⁹. В домовом архиве Шереметевых сохранилась «Записка сколько издержано денег на похороны умершей Матрены Калмыковой июня 11 дня 1801 года», составленная управителем Никитой Александровым. Траты составили 390 руб., что по тем временам была немаленькая сумма. Есть там приписка такого содержания: «Под оною запискою написано рукою Его Сиятельства тако: еще роздать на милостину 100 рублей»¹⁸⁰.

Девушки, выходявшие замуж за лично свободных людей, получали вольную. В 1800 г. получила вольную актриса Анна Буянова (по сцене Изумрудова). 9 ноября 1800 г. «вольноотпущенная от графа Шереметева девица Анна Тимофеева» венчалась с «Военно-сиротского дома доктором 7-го класса Иосифом Яковлевым Лахманом». Поручителем при венчании со стороны невесты соизволил стать сам граф Николай Петрович Шереметев, а со стороны жениха – его сослуживцы по Военно-сиротскому дому¹⁸¹. Граф Николай Петрович не оставил своими милостями и новорожденного сына Анны: «Собственной моей канцелярии. Повелеваю выдать Анне Лахмановой на крест 300 рублей, бабке 25 рублей, священнику с дьячками 25 рублей, сыну 100 рублей, да штаб-лекарю Григорью Иванову 300 рублей, а всего 750 руб. 16 августа 1801 г.»¹⁸² Этой женщине граф делал щедрые подарки и раньше: в январе 1798 г. и в январе 1799 г. она получила в подарок жемчужное ожерелье стоимостью 150 руб.¹⁸³ 20 октября 1803 г. он отдал распоряжение Собственной его канцелярии оформить дарственную на имя коллежской советницы Анны Лахмановой на купленный им в 1802 г. деревянный дом на Выборгской стороне¹⁸⁴. Приходит в голову такой вопрос: а не была ли эта женщина прежде фавориткой графа Николая Петровича? До сих пор неизвестно точно, кто из крепостных актрис родил в 1782 г. графу внебрачную дочь Александру Николаевну («Алексашу»), умершую в Москве в 1801 г., о которой граф заботился до ее смерти. Возможно, это ее портрет в русском костюме кисти Ивана Аргунова 1784 г. украшает Третьяковскую галерею.

В 1810 г. другая вольноотпущенная девица, Степанида Алексеева Мукосина, также бывшая артистка, состоявшая в Фонтанном доме «при комнатах Прасковьи Ивановны», вышла замуж за одного из управителей, Петра Тимофеевича Жаркова¹⁸⁵. Семья Жарковых на протяжении длительного времени играла видную роль в жизни Фонтанного дома и его обитателей. О них мы расскажем отдельно.

¹⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 127. Л. 532 об. М. к.

¹⁷⁸ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 293.

¹⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 129. Л. 315. М. к.

¹⁸⁰ Столетние отголоски. 1801 год. М., 1901. С. 40–42.

¹⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 127. 535 об. М. к.

¹⁸² Столетние отголоски. 1801 год. С. 70.

¹⁸³ Отголоски XVIII века. Вып. XI. С. 122, 226.

¹⁸⁴ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 217. Л. 256.

¹⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 160. Л. 77 об. М. к.

Жизнь в Фонтанном доме (1796–1809 гг.)

Ближний круг

В Фонтанный дом из Москвы по желанию Николая Петровича перевезли двоих младших внебрачных детей графа Петра Борисовича Шереметева, прижитых с неизвестной женщиной. Он овдовел, когда ему исполнилось 54 года, пережив свою супругу, графиню Варвару Алексеевну, на 20 лет. В годы вдовства у него могли быть одна или даже несколько невенчанных жен, скорее всего, из крепостных, что в то время для человека его социального и имущественного положения было в порядке вещей. Внебрачные дети графа Петра Борисовича Шереметева получили фамилию Реметевых. Такие «усеченные фамилии» имели в XVIII – начале XIX в. внебрачные дети, если родитель их признавал и воспитывал, но по разным причинам не мог узаконить. Юридически внебрачные дети именовались «воспитанниками» и не могли наследовать родовое имение своего родителя, но могли получить капитал или приобретенное имение. Реметевы были достаточно обеспечены, граф Петр Борисович купил им имение в Кромской округе Орловской губернии, определил также ежегодный пенсион.

Старшая из внебрачных детей, Анастасия Петровна Реметева, родилась в 1772 г. Ее выдали замуж за майора (позже коллежского советника) Александра Ивановича Кучецкого (1754–1838), супруги жили в Москве. Анастасия умерла в 1794 г. в возрасте 22 лет. Ее дочь Елизавета, родившаяся в 1793 г., умерла в детстве, трех лет¹⁸⁶. Имение Анастасии Петровны Кучецкой указом Павла I от 28 апреля 1798 г. утверждено за ее братом Яковом Петровичем Реметевым.

Яков Петрович Реметев родился в декабре 1775 г., рос при отце, получил домашнее воспитание. Когда отец умер, ему исполнилось 13 лет, отец уже записал его в службу в Преображенский полк. Такой порядок был обычным для того времени: детей, в том числе и внебрачных, но признанных отцами, записывали на службу в детстве – дети росли, учились (это тоже считалось службой) и к 17 годам состояли уже в офицерских чинах. Имя Якова Реметева встречается в кондуитных (послужных) списках лейб-гвардии Преображенского полка, в числе капитан-поручиков. Там отмечено, что ему 19-й год, на иностранной службе и в военных кампаниях не был, знает французский язык¹⁸⁷. Соответственно, Яков Петрович жил в это время уже в Петербурге, в Фонтанном доме. В 1799 г. Реметев перешел на гражданскую службу, при этом его военный чин гвардии капитана переименовали в надворные советники. Первоначально он значился «не у дел»¹⁸⁸. В 1805 г. граф Николай Петрович сделал попытку определить своего единокровного брата в русское посольство, отправляющееся в Китай, но его ходатайство не удовлетворили. По всей видимости, не всегда корректное поведение брата очень беспокоило графа, особенно когда Яков Петрович был не на глазах. Однако он продолжал числиться на службе и карьеру свою закончил в чине действительного статского советника.

В материальном отношении Я.П. Реметев был вполне обеспечен отцом и братом. По завещанию графа Николая Петровича 1804 г., коллежскому советнику Якову Реметеву назначалось 200 тыс. руб.¹⁸⁹ Владел он и недвижимым имуществом. Так, граф Николай Петрович предназначил ему 1000 душ крестьян в селе Спасское Орловской губернии и купленный у Талызина дом в Москве, с конюшней. 30 октября 1803 г. князь Ф.С. Щербатов писал графу в Петер-

¹⁸⁶ Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1908. С. 134.

¹⁸⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Д. 647. Л. 59 об.–60.

¹⁸⁸ Список состоящим на гражданской службе чинам первых пяти классов на 1799 год. С. 217.

¹⁸⁹ РГИА Ф. 1088. Оп. 3. Д. 55. Л. 34.

бург: «При осмотре домов заглянул я в дом... Якова Петровича Реметева, в бывший Талызина. Нашел в нем большое от мышей озарничество, особливо под обоями, чтобы упредить большой ему убыток, советую по первой почте отправить сюда кошек до десятка»¹⁹⁰. Неизвестно, были ли отправлены в Москву столичные кошки, известно лишь, что временами Яков Петрович жил в Москве, однако этот «бывший талызинский» дом не остался за ним, дом купил у графа Шереметева коммерции советник Иван Васильевич Кусов.

В июне 1811 г. Яков женился на Аграфене Александровне Тиньковой, которая умерла в декабре 1813 г.¹⁹¹ Второй брак, с Александрой Ивановной, урожденной Карцовой, дочерью контр-адмирала, оказался не очень счастливым. В архиве сохранились жалобы жены на мужа, датированные 1821–1822 гг. У нее был собственный дом в 4-й Адмиралтейской части на набережной реки Пряжки, между Матисовым и Банным мостами.

Умер Я.П. Реметев в 1842 г. и погребен на Смоленском кладбище, подле первой супруги.

В 1812 г. у Якова Петровича Реметева и его первой жены родился сын Петр. Он получил отцовское имение в Орловском уезде¹⁹², но дальнейшая его судьба неизвестна. Но были у Якова Петровича и внебрачные дети. По духовному завещанию отца его законный сын, коллежский секретарь Петр Яковлевич Реметев, должен пожизненно обеспечивать троих внебрачных дочерей своего покойного отца, которые получили фамилию Яковлевы: Софью (в замужестве Штенк), Анну и Надежду¹⁹³.

В марте 1779 г. у графа Петра Борисовича Шереметева родился третий внебрачный ребенок, дочь Маргарита. После смерти отца она жила сначала в Москве, затем в Фонтанном доме под опекой своего единокровного брата, графа Николая Петровича. Для нее устроили особую квартиру в Канцелярском флигеле, окнами на Литейную улицу. Граф Николай Петрович даже баловал Якова и Маргариту. Сохранилось, например, такое собственноручное его повеление 1801 г.: «Июня 4. Собственной моей канцелярии. Немедленно внести Якову Петровичу и Маргарите Петровне по 300 всякому, что и составит 600 руб. и сказать им, чтоб они употребляли, куда они рассудят, а Маргарите, коли что хочет купить, то посоветывалась, кто знает»¹⁹⁴.

28 января 1806 г. в домово́й церкви Маргарита Петровна Реметева венчалась со статским советником Алексеем Петровичем Путятиным, причем поручителем на свадьбе стал ее единокровный брат, граф Николай Петрович Шереметев¹⁹⁵. В качестве приданого она принесла мужу капитал в размере 60 тыс. руб. с процентами, завещанный ей отцом¹⁹⁶. По духовному завещанию брата Николая Петровича, она получила еще 250 тыс. руб.¹⁹⁷ На ее долю приходилась и часть села Спасское в Орловской губернии. После свадьбы Путятины жили в своем доме, находившемся также в приходе церкви Симеона и Анны. После того как Маргарита Петровна овдовела, она вернулась жить в Фонтанный дом. О ней вспоминал граф С.Д. Шереметев: «В петербургском доме на Литейной, где теперь новый дом, жила Маргарита Петровна Путятина. Она была замужем за тихвинским помещиком, летом жила в любимом своем имении Милежеж. Когда она овдовела, отец предложил ей переехать в наш дом, где она и прожила до самой кончины с компаньонкой своей Татьяной Ивановной Бровцыной. Я ее не застал, но у меня от нее есть подарок – серебряная филигранная корзина с маленькими пасхальными яйцами...

¹⁹⁰ Столетние отголоски. 1802 год. С. 100–101.

¹⁹¹ ПН. Т. 3. СПб., 1912. С. 572.

¹⁹² Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. СПб., 1860. Орловская губ. С. 8–10.

¹⁹³ Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1863. Статья № 18553.

¹⁹⁴ Столетние отголоски. 1801 год. С. 38.

¹⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 144. Л. 353. М. к.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 4865. Л. 1–5. Рядная запись о браке М.П. Реметевой со статским советником А.П. Путятиным. 24 янв. 1806 г.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 55. Л. 34.

А Татьяну Ивановну Бровцыну я помню в образной нашей церкви...»¹⁹⁸ Маргарита Петровна Путятина скончалась в 1848 г.¹⁹⁹

Прасковья Ковалева и ее окружение

В конце XVIII в., когда граф Николай Петрович вернулся в Петербург из Москвы, Фонтанный дом не был столь оживленным, как это было в его детские и юношеские годы, хотя граф Шереметев занимал одно из первых мест при Дворе императора Павла I. После воцарения нового Императора он назначен обер-гофмаршалом, который отвечал за все «хозяйство» Двора. Накануне смерти Императора он служил его обер-камергером. Не в последнюю очередь то, что частная жизнь такого вельможи была столь непубличной, объясняется тем обстоятельством, что в доме не было хозяйки. При Николае Петровиче жила его невенчаная жена Прасковья Ковалева.

После переезда графа в Петербург Прасковья поселилась в южном крыле Фонтанного дома, рядом с домовою церковью. Ее спальня и предспальня отделялись от церкви небольшим коридором. Небольшая гостиная, стены которой затянули сукном, называлась Турецкой. Есть описание бывшей Турецкой комнаты, составленное уже после смерти графа Николая Петровича. Она имела три окна, суконные зеленые шторы и голубые атласные занавеси. Суконную обивку уже сняли, поскольку сказано, что стены выкрашены голубой краской с разноцветным бордюром. Люстра бронзовая с восемью трубках, внизу небольшая шишка – виноградина. Пол дубовый. Мебель красного дерева с бронзовыми украшениями. Часы мастера Гимара в корпусе красного дерева с бронзовыми ножками. Шандалы бронзовые, бронзовая золоченая ваза. В простенках два зеркала в рамах красного дерева. Лоханки (для умывания?) мраморные белые²⁰⁰

¹⁹⁸ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. М., 2005. С. 316.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 764. Об исполнении духовного завещания М.П. Путятиной, урожд. Реметевой. 1848–1849 гг.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1088. Оп. 12. Д. 115. Л. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.